

Митрополит ИЛАРИОН (Алфеев)

ИИСУС ХРИСТОС

жизнь и учение

Книга VI СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ

Иисус Христос. Жизнь и учение

Иларион (Алфеев)

**Иисус Христос. Жизнь и учение.
Книга VI. Смерть и Воскресение**

Торговый Дом "Познание"

2021

УДК 27-317
ББК 86.37-3

(Алфеев) И.

Иисус Христос. Жизнь и учение. Книга VI. Смерть и Воскресение
/ И. (Алфеев) — Торговый Дом "Познание", 2021 — (Иисус
Христос. Жизнь и учение)

ISBN 978-5-906960-70-2

6-я книга, завершающая цикл исследований на тему «Иисус Христос. Жизнь и учение», целиком посвящена событиям, разворачивавшимся в течение нескольких дней и знаменовавшим собой окончание земной истории Иисуса Христа — Сына Божия и Сына Человеческого. Что говорят нам евангелисты о последних днях, часах и минутах Его жизни? Как описывают Его воскресение? Почему их повествования об этих событиях столь существенно разнятся и насколько они достоверны? Почему жизнь Иисуса закончилась столь мучительной и позорной смертью? В чем значение смерти Иисуса для христиан и почему Воскресение Христово остается главным праздником христианской Церкви, центральным пунктом христианского богословия? Почему история последних дней земной жизни Христа продолжает двадцать веков спустя оказывать столь мощное духовно-эмоциональное воздействие на миллионы людей? На все эти и многие другие вопросы призвана ответить настоящая книга. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 27-317
ББК 86.37-3

ISBN 978-5-906960-70-2

© (Алфеев) И., 2021

© Торговый Дом "Познание", 2021

Содержание

Предисловие	9
Глава 1	12
1. «Восходя в Иерусалим». Предсказания Иисуса о Своей смерти	17
2. Вход в Иерусалим	28
3. Иисус оплакивает Иерусалим	45
Глава 2	54
1. «Какою властью Ты это делаешь?»	57
2. Подать кесарю	63
3. Диалог с саддукеями о воскресении	69
4. «Какая первая из всех заповедей?»	77
5. «Сын Давидов»	83
Глава 3	88
1. Обличение книжников и фарисеев	90
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Митрополит Иларион (Алфеев)
Иисус Христос. Жизнь и учение.
Книга VI. Смерть и Воскресение

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р20-028-3343

© Издательский дом «Познание», 2021

© Иларион (Алфеев), митр., 2021

© Сретенский монастырь, макет, 2017

Общecerковная
аспирантура
и докторантура

ПОЗНАНИЕ

Издательство
Сретенского
монастыря

Предисловие

Настоящая книга завершает серию под названием «Иисус Христос. Жизнь и учение».

В предыдущих пяти книгах серии мы рассмотрели материал из четырех канонических Евангелий, предшествующий последнему посещению Иисусом Иерусалима. В первой книге речь шла о рождении Иисуса, Его детстве, начале Его общественного служения. Вторая книга была посвящена Его нравственному учению, изложенному на основе Нагорной проповеди (Мф. 5–7). Третья и четвертая книги были посвящены, соответственно, чудесам и притчам Иисуса. В пятой книге мы сконцентрировались на том материале Евангелия от Иоанна, который не имеет параллелей у синоптиков.

К событиям, относящимся к последним дням земной жизни Иисуса, мы до настоящего времени не обращались, за исключением одного чуда (иссушения смоковницы), которое было рассмотрено в третьей книге¹, нескольких притч, рассмотренных в четвертой книге², и изложенной в Евангелии от Иоанна беседы Иисуса с учениками после Тайной Вечери, ставшей объектом нашего внимания в пятой книге³. В ней же мы рассказали об изгнании торгующих из храма – событии, которое Иоанн относит к началу земного служения Иисуса, а Матфей и Марк – к концу (мы придерживаемся взгляда, согласно которому речь идет о двух разных эпизодах)⁴.

Настоящая книга целиком посвящена событиям, разворачивавшимся в течение нескольких дней и знаменовавшим собой окончание земной истории Иисуса Христа – Сына Божия и Сына Человеческого.

Что говорят нам евангелисты о последних днях, часах и минутах Его жизни? Как описывают Его воскресение? Почему их повествования об этих событиях столь существенно разнятся и насколько они достоверны? Почему жизнь Иисуса закончилась столь мучительной и позорной смертью? В чем значение смерти Иисуса для христиан и почему Воскресение Христово остается главным праздником христианской Церкви, центральным пунктом христианского богословия? Почему история последних дней земной жизни Христа продолжает двадцать веков спустя оказывать столь мощное духовно-эмоциональное воздействие на миллионы людей? На все эти и многие другие вопросы призвана ответить настоящая книга.

Четыре канонических Евангелия построены по единому плану в том отношении, что их завершающие, весьма значительные по объему разделы посвящены последним дням земной жизни Иисуса и Его воскресению. Наиболее показательным в этом плане Евангелие от Иоанна. Лишь половина его (главы 1–11) посвящена событиям, вмещающимся в три с небольшим года общественного служения Иисуса. Вся вторая половина (главы 12–24) посвящена последним дням Его земной жизни, Его смерти и воскресению. В синоптических Евангелиях соотношение несколько иное: у Матфея и Марка события последних дней составляют около трети повествования (Мф., гл. 21–28, Мк., гл. 11–16), у Луки – около четверти (Лк. 19:19–24:53). Тем не менее во всех четырех Евангелиях при всей разнице между ними именно завершающий раздел составляет смысловую сердцевину: все предшествующее повествование может быть названо развернутым введением в него⁵.

¹ См.: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. III: Чудеса Иисуса. С. 432–444.

² Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. IV: Притчи Иисуса. С. 449–555.

³ Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. V: Агнец Божий. С. 467–628.

⁴ Там же. С. 72–76, 96–107.

⁵ Kahler M. The So-Called Historical Jesus. P. 80.

Воскресение Христово. Икона. XV в.

Мы начнем настоящую книгу с предсказаний Иисуса о Своей смерти и Его торжественного входа в Иерусалим. Далее будут рассмотрены повествования евангелистов о диалогах, которые Иисус вел со Своими оппонентами в Иерусалимском храме, о Его последних наставлениях ученикам, произнесенных там же, о заговоре первосвященников и старейшин против Иисуса, о предательстве Иуды, о Тайной Вечере, молитии Иисуса в Гефсиманском саду и Его аресте. Затем будут рассмотрены разные стадии судебного процесса над Иисусом – суд синедриона, допросы у Анны и Каиафы, допрос у Ирода, суд Пилата. Предпоследняя глава книги посвящена распятию и погребению Иисуса, последняя – Его воскресению и вознесению на небо.

Как и в предыдущих книгах серии, основным материалом для нас служат тексты канонических Евангелий, которые мы сопоставляем, выявляя и объясняя различия между параллельными повествованиями. В качестве вспомогательного материала приводятся различные сведения, касающиеся исторического контекста событий и тех персонажей, которые появляются на сцене. В необходимых случаях мы обращаемся к толкованиям отцов Церкви на евангельские тексты, а также к современной научной литературе по Новому Завету, не ставя перед собой цель дать исчерпывающий список толкований и мнений по тому или иному поводу.

Наша главная задача остается неизменной на протяжении всей серии: она заключается в том, чтобы доказать, что Иисус Христос был одновременно Богом и человеком. Только в свете веры в полноту Божества и человечества во Христе обретают смысл евангельские повествования о Его жизни и учении. И только в свете Его воскресения обретают смысл Его страдания и смерть.

Глава 1 «Иерусалим, избивающий пророков»

Какое место занимал Иерусалим в жизни Иисуса Христа? Если судить по Евангелиям от Матфея и Марка, то вплоть до Его торжественного входа в Иерусалим этот город не занимал в Его жизни никакого места. Основное действие этих Евангелий разворачивается в Галилее, упоминаются другие области (Заиорданье, страны Кесарии Филипповой, земля Гадаринская, или Гергесинская, Иерихон), но об Иерусалиме в них ничего не говорится. На этом основании можно было бы предположить, что Иисус вообще не бывал здесь до того, как торжественно вошел сюда за несколько дней до Своей последней Пасхи.

Несколько иную картину рисует евангелист Лука. От него мы узнаём, что сорокадневный Младенец Иисус был принесен родителями в храм Иерусалимский, где Его благословили старец Симеон и праведная Анна (Лк. 2:22–38). В этом же Евангелии мы узнаём о случае, произошедшем с двенадцатилетним Отроком Иисусом, когда во время ежегодного паломничества в Иерусалим на Пасху Он не вернулся со Своими родителями, а остался в храме, чтобы послушать наставления учителей (Лк. 2:41–50). Композиционной особенностью Евангелия от Луки является то, что значительная часть материала (около трети от общего объема) построена в последнее путешествие Иисуса в Иерусалим (Лк. 9:51–19:28). По ходу этого путешествия Иерусалим многократно упоминается, как бы незримо присутствуя в повествовании, но основные события тем не менее происходят вне него.

Иерусалим. М. Н. Воробьев. XIX в.

И только из Евангелия от Иоанна мы узнаём о том, что обычай посещать Иерусалимский храм по большим праздникам Иисус сохранял и после Своего выхода на проповедь. Именно в Иерусалиме происходят те беседы и чудеса Иисуса, о которых повествует Иоанн. Его Евангелие, таким образом, восполняет очень существенную лакуну, образовавшуюся вследствие того, что евангелисты-синоптики концентрируют основное внимание на Галилее и других областях Палестины, обходя молчанием главный город всего израильского народа, центр его религиозной и политической жизни.

Симеон Богоприимец. Рембрандт. 1627–1628 гг.

Евангелисты рисуют Иисуса Человеком, Который знал не только о том, что Ему надлежит умереть на кресте, но и что это произойдет в Иерусалиме. Объяснял Он это тем, что *не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима* (Лк. 13:33). За этим объяснением, кажущимся простым и кратким, стоит вся история взаимоотношений Бога с израильским народом, – история, в которой особое место занимали пророки.

Как мы отмечали в книге «Начало Евангелия», Иисус видел в Своей миссии продолжение миссии пророков⁶. Об этом Он говорил в Нагорной проповеди (Мф. 5:17), во многих притчах, в особенности в притче о злых виноградарях (Мф. 21:33–41; Мк. 12:1–9; Лк. 20:9–16), в полемике с иудеями. Иисус обличал книжников и фарисеев за то, что они строят гробницы пророкам, но продолжают дело своих отцов, которые были убийцами пророков (Мф. 23:29–32). И в Галилее, и за ее пределами Иисус приобрел репутацию великого Пророка. Вопреки

⁶ Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. I: Начало Евангелия. С. 473–510.

бытовавшему мнению, Он не был лишь одним из пророков: Он был обетованным Мессией. Но внешние параметры Его земного служения во многом напоминали образ жизни и образ действий пророков. И закончить жизнь Он должен был так же, как заканчивали ее многие пророки: насильственной смертью в Иерусалиме.

1. «Восходя в Иерусалим». Предсказания Иисуса о Своей смерти

С самых первых страниц Евангелия от Иоанна мы слышим, как Иисус упоминает о Своем «часе» или «времени». На браке в Кане Галилейской Он говорит Своей Матери: *Еще не пришел час Мой* (Ин. 2:4). На предложение братьев отправиться из Галилеи в Иерусалим на праздник Кушней Он отвечает: *Мое время еще не настало* (Ин. 7:6); *Мое время еще не исполнилось* (Ин. 7:8). Евангелист, говоря о пребывании Иисуса в Иерусалиме, отмечает: *И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его* (Ин. 7:30). Однако за шесть дней до Своей последней Пасхи Иисус говорит народу: *Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел* (Ин. 12:27).

Мотив вознесения на крест присутствует в том же Евангелии почти с самого начала. В беседе с Никодимом Иисус предсказывает: *И как Моисей вознес змию в пустыне, так Должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел Жизнь вечную* (Ин. 3:14–15). Этот же мотив звучит в словах, произнесенных за шесть дней до последней Пасхи: *И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе*. Приводя эти слова, евангелист поясняет: *Сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет* (Ин. 12:32–33).

Брак в Кане Галилейской. Веронезе. 1562–1563 гг.

Слово «крест» в Евангелии от Иоанна впервые появляется только в рассказе о распятии (Ин. 19:17). Однако в синоптических Евангелиях оно встречается неоднократно в поучениях Иисуса, обращенных к разным лицам. Своим ученикам Он говорит: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не Достойн Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10:37–38). Ученикам и народу Иисус адресует призыв: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16:24; ср. Мк. 8:34; Лк. 9:23). Богатого юношу Иисус призывает: *Пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест* (Мк. 10:21). На пути в Иерусалим Иисус обращается к народу со словами: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идёт за Мною, не может быть Моим учеником* (Лк. 14:26–27).

Как понимать эти многочисленные упоминания о взятии креста, о несении своего креста? Несомненно, перед глазами Иисуса стоял образ человека, осужденного на позорную смерть через распятие, и Он знал, что такую смерть надлежит принять Ему Самому. Согласно синоптическим Евангелиям, Он много раз говорил об этом ученикам.

В научной литературе, учебниках по Новому Завету и различных конкордансах (согласованиях) евангельского текста обычно говорится о том, что Иисус трижды предсказывал ученикам Свою смерть. Эти эпизоды так и называют: первое, второе и третье предсказания Иисуса о Своей смерти⁷. Между тем только в синоптических Евангелиях мы находим не менее пяти таких предсказаний.

Первое из них Иисус делает в Кесарии Филипповой после того, как Петр в присутствии учеников исповедал Его Сыном Божиим. Рассказ об этом имеется у всех трех синоптиков.

⁷ См., в частности: Aland K. Synopsis quattuor Evangeliorum. P. 232 (первое предсказание), 243 (второе предсказание), 350 (третье предсказание).

Наиболее полная версия содержится у Марка, несколько сокращенная – у Матфея, значительно сокращенная – у Луки:

С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть (Мф. 16:21; ср. Мк. 8:31; Лк. 9:22). И говорил о том открыто (Мк. 8:32). И, отозвав Его, Петр начал прекословить

Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мф. 16:22–23; ср. Мк. 8:32–33).

Столь резкий ответ Иисуса обычно трактуют либо аллегорически («сатана» означает «противник», а Петр в данном случае воспротивился Иисусу⁸), либо как особый способ назидания, преподанного Петру («Я тебе говорю, что не только вредно и пагубно для тебя препятствовать Мне и сокрушаться о Моем страдании, но и ты сам не можешь спастись, если не будешь всегда готов умереть»⁹). Между тем точно такими же словами Иисус ответил диаволу, когда он искушал Его в пустыне (Мф. 4:10; Лк. 4:8). Очевидно, ключ к разгадке следует искать в слове «соблазн» (σκάνδαλον), которым, по версии Матфея, сопровождался упрек Иисуса. Вольно или невольно Петр выступил в роли соблазнителя, пытаясь – пусть и из самых благих побуждений – отвратить Учителя от того, ради чего Он пришел на землю. Последовательно отвергая все возникающие на Его пути искушения, Иисус с негодованием отвергает и этот соблазн. Человеческим соображениям и страхам Он предпочитает беспрекословное следование воле Божией.

⁸ Ориген. Комментарии на Евангелие от Матфея. 12, 21 (GCS40, 117).

⁹ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 55, 1 (PG 58, 540). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 562.

Искушение Христа. Клеймо иконы «Спас Вседержитель». 1682 г.

Второй раз Иисус предсказывает Свою смерть и воскресение после того, как Он преобразился перед тремя учениками. Об этом повествуют Марк и Матфей:

Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых. И спросили Его: как же книжники говорят, что Илия надлежит прийти прежде? Он сказал им в ответ: правда, Илия должен прийти прежде и устроить всё; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену. Но говорю вам, что и Илия пришел, и поступили с ним, как хотели, как написано о нем (Мк. 9:9-13; ср. Мф. 17:9-12). Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе (Мф. 17:13).

Выражение *как написано о Нем* в первом случае относится к Мессии и указывает на те ветхозаветные тексты, в которых предсказаны Его страдания (в частности, Ис., гл. 53, Пс., гл. 21). Часть этих текстов евангелисты цитируют по ходу своего рассказа. Однако во второй раз выражение *как написано о нем* отнесено к Илии. Ветхий Завет не содержит предсказаний о том, что Илия, явившись во второй раз, пострадает или будет отвергнут. Ссылается ли Иисус на

какой-либо неизвестный нам текст? Научная дискуссия вокруг этого вопроса не дала внятного результата¹⁰.

Вопрос учеников отражает распространенные в среде книжников мессианские ожидания, согласно которым приходу Мессии должно предшествовать возвращение на землю пророка Илии. Эти ожидания основывались, в частности, на Книге пророка Малахии, где указано, что Илия будет послан к народу израильскому *перед наступлением дня Господня, великого и страшного* (Мал. 4:5).

¹⁰ Обзор мнений см. в: *Marcus J. The Way of the Lord*. P. 94–110.

Пророк Малахия. Мозаика. XIV в.

У Малахии ясно говорится о приходе Илии перед наступлением *дня Господня*, но ничего не сказано о его приходе перед пришествием Мессии. Между тем в эсхатологических ожиданиях израильского народа темы пришествия Мессии и конца света были тесно переплетены. Косвенным подтверждением этого является фрагмент из «Диалога с Трифоном-иудеем» святого Иустина Философа (середина II века). В этом диалоге иудей говорит: «...Мы все ожидаем, что Христос будет человеком от людей и что, когда придет, будет помазан Илиею. Посему, если откроется, что Тот, о Котором вы говорите, есть Христос, то должно вполне признать Его человеком, рожденным от людей; а так как Илия еще не приходил, я и Христом Его не признаю». На это Иустин отвечает, что «слово Божие предвозвестило Илию предтечею страшного и великого дня, то есть второго Его пришествия»; что же касается Его первого пришествия, то ему «также предшествовал вестник, то есть бывший в Илии Дух Божий, Который действовал потом чрез Иоанна-пророка»¹¹.

Есть немало оснований полагать, что в сознании иудеев выстраивалась целая цепь эсхатологических событий, включавшая в себя сначала приход Илии, затем пришествие Мессии и наконец наступление «*дня Господня*» (конца света)¹². Ученики Иисуса, разделяя эсхатологические чаяния соплеменников, готовы были видеть в Иисусе Мессию, но искренне недоумевали, почему Илия не предварил Его приход. Что же касается представления о страданиях и распятии Мессии, то оно никак не укладывалось в общую картину, поскольку пришествие Мессии представляли прежде всего как явление славы и силы Божией.

Третье зафиксированное синоптиками предсказание о Своей смерти Иисус делает в Галилее. Каждый из евангелистов передает это предсказание по-своему:

Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились (Мф. 17:22–23).

Выйдя оттуда, проходили через Галилею; и Он не хотел, чтобы кто узнал. Ибо учил Своих учеников и говорил им, что Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, и, по убиении, в третий день воскреснет. Но они не разумели сих слов, а спросить Его боялись (Мк. 9:30–32).

Когда же все дивились всему, что творил Иисус, Он сказал ученикам Своим: вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие. Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись (Лк. 9:43–45).

Как видим, Матфей делает акцент на том, что предсказание Иисуса весьма опечалило учеников; Марк – на том, что ученики не поняли слов Иисуса и боялись спросить Его; Лука подчеркивает непонимание учеников, говоря о нем трижды в разных формах (*они не поняли слова, оно было закрыто от них, они не постигли его*). Приводя предсказание в сокращенной форме, Лука добавляет к нему преамбулу (*вложите вы себе в уши слова сии*), напоминающую другие характерные для Иисуса речевые обороты, при помощи которых Он концентрирует внимание слушателей на том, что намеревается сказать (*говорю вам, истинно говорю вам, слушайте и разумеайте*).

¹¹ Иустин. Диалог с Трифоном-иудеем. 49 (PG 6, 581–584).

¹² См.: Marcus J. The Way of the Lord. P. 110.

Галилея

В четвертый раз Иисус предсказывает Свою смерть на пути из Иерихона в Иерусалим. Согласно Матфею, *восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет* (Мф. 20:17–19). Лука описывает похожую сцену, добавляя к словам Иисуса фразу: *и совершится все, написанное через пророков о Сыне Человеческом*. Евангелист отмечает реакцию учеников, снова повторяя одно и то же трижды в разных вариантах: *Но они ничего из этого не поняли; слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного* (Лк. 18:31–34).

Наиболее яркую картину рисует Марк. У него Иисус идет в Иерусалим один, а ученики следуют за ним на расстоянии:

Когда были они на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет (Мк. 10:32–34).

Первое предложение данного текста имеет значительное число разночтений в рукописной традиции. Во многих рукописях фраза построена таким образом, что позволяет говорить о двух или даже трех группах последователей: «Были же на пути, восходя в Иерусалим, и Иисус шел впереди их, и ужасались, а следующие за Ним были в страхе. И подозвав снова двенадцать...»¹³ Здесь «были» может относиться к Иисусу вместе со всеми, кто за Ним следовал;

¹³ Novum Testamentum graece. P. 115.

«ужасались» – к одной из групп; «были в страхе» – к другой; «двенадцать» – к основной группе учеников, выделяемой из общего числа последователей.

Даже при таком понимании перед нами – картина все возрастающего одиночества Иисуса по мере того, как Он приближается к Иерусалиму. В предшествующем евангельском повествовании Он почти всегда был окружен учениками и толпой народа. Ученики охотно следовали за Ним, а толпа находила Его даже там, где Он не хотел. Теперь дело обстоит иным образом: Он неумолимо движется к собственной смерти, и в этом движении Он одинок; группы учеников, в том числе двенадцать, пытавшихся остановить Его и не преуспевших в этом, идут за ним на расстоянии, в страхе и ужасе от предстоящих событий. Вместо того, чтобы ободрить или утешить их, Он подзывает их, чтобы сказать то, что уже неоднократно говорил, но к чему они остались глухи.

Наконец, пятое прямое предсказание о Своей смерти Иисус делает, согласно Матфею, за два дня до праздника Пасхи. Оно отличается краткостью и конкретностью: *Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие* (Мф. 26:2). Многие переводчики понимают слова *Вы знаете* как относящиеся только к первой части фразы: ученики знают, что наступает Пасха¹⁴. Однако вполне возможно понимать их как относящиеся ко всей фразе целиком: после стольких предсказаний Иисуса о Своей смерти ученики должны знать, что Его ожидает смерть на кресте.

Иисус неоднократно предсказывал, что Его смерть произойдет в Иерусалиме. Согласно Евангелию от Луки, когда Он *проходил по городам и селениям, уча и направляя путь к Иерусалиму*, некоторые из фарисеев предостерегали Его от продолжения пути, предупреждая, что Ирод хочет убить Его (Лк. 13:22, 31). На это Иисус отвечал: *Пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сего дня и завтра, и в третий день кончу; а впрочем, Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий день, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима* (Лк. 13:32–33).

Манассия, царь Иудеи. Мартин де Вос. 1550–1603 гг.

Эти слова созвучны ранее произнесенному изречению, зафиксированному в четырех вариантах четырьмя евангелистами: *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем* (Мф. 13:57; ср. Мк. 6:4; Лк. 4:24; Ин. 4:44). Тогда речь шла о Галилее,

¹⁴ Ньюман Б., Стайн Ф. Комментарии к Евангелию от Матфея. С. 704.

теперь речь идет об Иерусалиме. Иисус напоминает о пророках, которые были убиты в Иерусалиме: Захарии, сыне Иодая (2 Пар. 24:20–22), Урии, сыне Шемаии (Иер. 26:20–23). Возможно, Он также напоминает о царях, проливавших кровь в Иерусалиме. К числу последних относится Манассия, о котором говорится: *Еще же пролил Манассия и весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края и до края* (4 Цар. 21:16). Иосиф Флавий прямо обвиняет Манассию в убийстве пророков:

Подражая беззакониям царей израильских, погибших вследствие своих прегрешений относительно Предвечного, он дерзнул осквернить как храм Господа Бога, так и город Иерусалим и всю страну свою. Побуждаемый презрением к Всевышнему, он велел подвергнуть жестокой смертной казни всех праведников среди евреев; при этом он, конечно, не пощадил и пророков и, убивая их по несколько ежедневно, учинил такую резню, что кровь лилась потоком по Иерусалиму¹⁵.

Помимо прямых пророчеств об ожидающей Его насильственной смерти и о Своем воскресении Иисус неоднократно говорил о том же иносказательно. Когда фарисеи и книжники обращались к Нему с просьбой показать им знамение с неба, Он неизменно отвечал: *Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка* (Мф. 12:39; 16:4; ср. Лк. 11:29). Поясняя смысл этого предсказания, Иисус говорил: *Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. 12:40).

В приведенной у евангелиста Иоанна прощальной беседе Иисуса с учениками после Тайной Вечери не говорится прямо ни о кресте, ни о распятии, однако тема ухода и возвращения, то есть смерти и воскресения, является ее лейтмотивом:

Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь (Ин. 13:33).

А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете (Ин. 14:4).

Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить (Ин. 14:19).

Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня. И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбывается. Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего (Ин. 14:27–30).

А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше (Ин. 16:5–6).

Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу (Ин. 16:16).

Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Жениcina, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас (Ин. 16:20–22).

Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу (Ин. 16:28).

Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною (Ин. 16:32).

¹⁵ Иосиф Флавий. Иудейские древности. 10, 3, 1 (С. 414). На эти параллели указывает: Fitzmyer J. A. The Gospel according to Luke (X–XXIV). P. 1032.

Последние слова имеют параллель в двух синоптических Евангелиях: *Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада; по воскресении же Моем предварю вас в Галилее* (Мф. 26:31–32; ср. Мк. 14:27–28). Вплоть до Своего ареста Иисус предсказывает ученикам то, что должно произойти: Он видит предстоящие Ему испытания во всех подробностях.

Выражение «восходить в Иерусалим» отражает географическую реальность Палестины. Иерусалим находится на возвышенности (754 м над уровнем моря), и путь к нему, особенно из Иерихона (расположенного на 250260 м ниже уровня моря), представляет собой долгое и трудное восхождение. В Свое последнее путешествие в Иерусалим Иисус отправился из Галилеи не напрямую, а через Иерихон. Он должен был в буквальном смысле слова «взойти» в Иерусалим, подняться туда из низин Иудейской пустыни.

В этом восхождении помимо буквального есть и символический смысл. Иисус идет на страдание добровольно: Он знает, что Его жизнь закончится насильственной смертью, но знает и о том, что на третий день Он воскреснет. Путь к смерти является одновременно восхождением к славе, в которой Сын Божий пребывал от века и в которую должен ввести искупленное Им человечество.

2. Вход в Иерусалим

Рассказ о торжественном входе Иисуса в Иерусалим присутствует во всех четырех Евангелиях. Если до этого момента синоптические Евангелия развивались по одному плану, а Евангелие от Иоанна по другому, пересекаясь лишь в редких случаях, то с этого момента два разных потока информации соединяются, чтобы далее двигаться параллельно. Существенно возрастает степень литературной близости тех сюжетов, которые у синоптиков и Иоанна являются общими, а таковыми являются почти все основные сюжеты истории Страстей.

Вход Господень в Иерусалим. *Фреска. XIV в.*

Начнем с повествования Марка, рисующего наиболее подробную картину происходившего:

Когда приблизились к Иерусалиму, к Виффагии и Вифании, к горе Елеонской, Иисус посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите. И если кто скажет вам: что вы это делаете? – отвечайте, что он надобен Господу; и тотчас пошлет его сюда. Они пошли, и нашли молодого осла, привязанного у ворот на улице, и отвязали его. И некоторые из стоявших там говорили им: что делаете? зачем отвязываете осленка? Они отвечали им, как повелел Иисус; и те отпустили их.

И привели осленка к Иисусу, и возложили на него одежды свои; Иисус сел на него. Многие же постлали одежды свои по дороге; а другие резали ветви с деревьев и постлали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен Грядущий во имя Господне! благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних! (Мк. 11:1-10).

Версия Луки достаточно близка к версии Марка, отличаясь лишь концовкой рассказа: *А когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской, все множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели они, говоря: благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних!* Таким образом, если у Марка Иисуса приветствует народ, у Луки Его прославляет все множество учеников (Лк. 19:28–38). Формула *мир на небесах и слава в вышних* напоминает ангельское славословие из того же Евангелия, прозвучавшее при рождении Иисуса: *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лк. 2:14).

Версия Матфея отличается от версий двух других синоптиков одной существенной деталью. Согласно Матфею, ученики получают повеление найти *ослицу привязанную и молодого осла с нею*. Они приводят ослицу с осленком к Иисусу, полагают на них свои одежды, и Иисус садится на них. При этом Матфей отмечает: *Всё же сие было, да сбудется реченное через пророка, который говорит: Скажите дочери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной* (Мф. 21:1–7). Цитата является комбинированной из двух источников – Книги пророка Исаии, где говорится: *Скажете дочери Сиона: грядет Спаситель твой* (Ис. 62:11); и Книги пророка Захарии, где читаем: *Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9:9).

Ученые, как правило, объясняют наличие в рассказе Матфея ослицы и осленка либо склонностью Матфея к удвоениям¹⁶, либо его желанием показать, что пророчество Захарии сбылось буквально¹⁷. Второе объяснение кажется более правдоподобным. В любом случае сидеть одновременно на ослице и осленке человек не может: если даже там и было второе животное, его, очевидно, вели под уздцы рядом с тем, на котором сидел Иисус¹⁸. Иоанн Зла-

¹⁶ Матфей говорит о двух бесноватых (Мф. 8:28–34), Марк и Лука – об одном (Мк. 5:1–20; Лк. 8:26–39). У Матфея два слепца (Мф. 20:29–34), у других синоптиков в параллельном повествовании один (Мк. 10:46–52; Лк. 18:35–43).

¹⁷ Morris L. Matthew. P. 520.

¹⁸ Ученые выдвигают различные гипотезы, пытаясь решить проблему. В частности, указывают на разночтения в рукописях, позволяющие толковать текст в том смысле, что одежды были возложены на обоих животных, а сел Иисус на одного; говорят также о необходимости второго животного для того, чтобы молодой, необъезженный осел шел через толпу спокойно. См.: Ткаченко А. А. Вход Господень в Иерусалим. С. 38–39; Gundry R. H. The Use of the Old Testament in St. Matthew's Gospel. P. 199; Keener C. S. The Gospel of Matthew. P. 491–492.

тоуст предлагает свой вариант решения проблемы: «В то время как ученики, отрешив ослицу, вели ее к Нему, вероятно, Он нашел молодого осла и сел на него»¹⁹.

Вход Господень в Иерусалим. Фреска. Джотто. XII–XIII вв.

Отметим, что на многочисленных иконографических изображениях события – будь то византийских, русских или западных – как правило, представлен один осел. В то же время имеются и изображения двух животных²⁰. На северной стороне знаменитой Виффагийской стелы размещена фреска XII века, на которой изображены два апостола, ведущие в Виффагию ослицу и осленка²¹.

Виффагия – селение, находившееся на востоке от Иерусалима, поблизости от Вифании²², – упоминается во всех трех повествованиях синоптиков; Вифания – только у Марка и Луки. Название селения, находившегося напротив Виффагии, откуда ученики привели осла, не указано. Нельзя исключить, что это и есть Вифания.

¹⁹ Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 66, 1 (PG 59, 366). Рус. пер.: С. 444.

²⁰ Джотто на фреске «Вход в Иерусалим» (ок. 1305 г.) в капелле Скровеньи в Падуе изобразил одного осла. На фреске его младшего современника Пьетро Лоренцетти «Вход в Иерусалим» (ок. 1320 г.) в нижнем храме базилики святого Франциска в Ассизи Иисус восседает на осле, за которым виден осленок.

²¹ Лисовой Н. Н. Виффагия. С. 607.

²² Brake D. L., Bolen T. Jesus. A Visual History. P. 191–193.

В Евангелии от Иоанна въезд Иисуса в Иерусалим следует за воскрешением Лазаря (Ин. 11:1-46) и вечерей в Вифании (Ин. 12:1-11). Согласно Иоанну, именно воскрешение Лазаря стало причиной торжественной встречи Иисуса жителями Иерусалима:

На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! Иисус же, найдя молодого осла, сел на него, как написано: Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле. Ученики Его сперва не поняли этого; но когда прославился Иисус, тогда вспомнили, что так было о Нем написано, и это сделали Ему.

Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо. Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним (Ин. 12:12-19).

Существенная разница между Иоанном и синоптиками заключается в том, что у синоптиков все событие представлено как тщательно подготовленное Самим Иисусом: Он посылает учеников в селение; ученики приводят осла (или ослицу с осленком); Он садится на него (на них) и торжественно въезжает в Иерусалим под ликующие восклицания толпы (учеников). У Иоанна, напротив, Иисус садится на осла потому, что ликующая толпа встречает Его (а встречает она Его потому, что Он воскресил Лазаря).

Воскрешение Лазаря. Мозаика. VI в.

Обратим внимание на то, что это единственный случай во всех Евангелиях, когда Иисус передвигается не пешком. Однако тем самым Иисус нарушает не только собственный обычай: Он также нарушает благочестивый обычай всех паломников, которые, даже если подъезжали

к Иерусалиму верхом, спешили перед входом в город. Впрочем, вполне возможно, что Он доехал на осле только до ворот города, а дальше пошел пешком.

Как и Матфей, Иоанн приводит ветхозаветное пророчество неточно, комбинируя его из разных элементов. Одним из них является сильно сокращенная цитата из Зах. 9:9; другим, возможно, отрывок из Книги пророка Софонии: *Ликуй, дочь Сиона!.. Господь, царь Израилев, посреди тебя... В тот день скажут Иерусалиму: «не бойся.»* (Соф. 3:14–16)²³.

Слово «осанна» (евр. הוֹשִׁיעַ נָא *hōšî‘ā-nnā*) буквально означает «спаси же». По словам блаженного Иеронима, «осанна в переводе с еврейского означает: Господи, спаси меня!»²⁴. Блаженный Августин пишет: «Осанна, как говорят знающие еврейский язык, это голос молящего, более выражающий чувство, нежели обозначающий нечто»²⁵. Действительно, ко временам Иисуса этот возглас употреблялся не столько в своем исконном значении, сколько в качестве простого восклицания, выражавшего хвалу и использовавшегося как литургическая формула²⁶.

Восклицания толпы приведены евангелистами в нескольких вариантах: *Осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!* (Мф. 21:9); *Осанна! благословен Грядущий во имя Господне! благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних!* (Мк. 11:9–10); *Благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних!* (Лк. 19:38); *Осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!* (Ин. 12:13). Разнообразие в передаче возгласов может быть объяснено тем, что люди из толпы произносили приветствия в разных формах. Во всех четырех вариантах присутствует формула «благословен Грядущий во имя Господне», в трех – формула «в вышних», в трех – слово «осанна», в двух «Царь» и в одном «царство».

Все четыре варианта приветственных возгласов построены на словах 117-го псалма, где употреблено слово «осанна»: *О, Господи, спаси же* (евр. הוֹשִׁיעַ נָא *hōšî‘ānnā*)! *О, Господи, споспешествуй же! Благословен грядущий во имя Господне!* (Пс. 117:25–26). Таким образом, Иисуса при въезде в Иерусалим встречали литургическими возгласами: 117-й псалом ассоциировался с главными еврейскими праздниками (Кущей, Обновления храма, Седмиц и Пасхой), в особенности – с торжественной литургической процессией на праздник Кущей²⁷, когда в руках несли связки из миртовых и ивовых ветвей. Важно также подчеркнуть, что этот псалом воспринимался как мессианский. Один из образов этого псалма – *камень, который отвергли строители* (Пс. 117:22) – Иисус применял по отношению к Самому Себе (Мф. 21:42; Мк. 12:10).

Народ приветствовал Иисуса как «Царя Израилева» и «Сына Давидова», грядущего «во имя Господне». Что это означало? Прежде всего, то, что народ признал за Иисусом мессианское достоинство, увидел в Нем того потомка Давида, который пришел, чтобы восстановить утраченное могущество Израильского царства. Именно с восстановлением политического могущества Израиля (и более конкретно – с освобождением от власти римлян) были в первую

²³ К числу ветхозаветных пророчеств, которые не нашли отражение в евангельских повествованиях о торжественном въезде Иисуса в Иерусалим, но в христианской традиции воспринимаются как имеющие связь с этим событием, относят предсказание патриарха Иакова о Примирителе, Который произойдет из колена Иудина: *Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей* (Быт. 49:10–11). Рассказ о помазании Соломона на царство также нередко воспринимается как прообраз события, поскольку Соломона, по приказу царя Давида, привезли на муле (3 Цар. 1:32–40).

²⁴ Иероним. На пасхальное воскресение (CCSL 78, 550). Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 2. С. 184.

²⁵ Августин. Трактат на Евангелие от Иоанна (CCSL 36, 440). Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 2. С. 184.

²⁶ Ньюман Б., Стайн Ф. Комментарии к Евангелию от Матфея. С. 578.

²⁷ Marcus J. Mark. 8–16. P. 774.

очередь связаны мессианские ожидания. В грядущем Помазаннике видели, во-первых, Царя и национального вождя²⁸. Лишь во вторую очередь в нем ожидали увидеть религиозного Вождя и Пророка. Мессия должен был стать вторым Давидом, в одном лице совмещавшим царское и пророческое служения.

В то же время идея политической независимости была тесно связана с представлением о богоизбранности израильского народа. Вот почему ожидаемый Царь и Пророк должен был прийти *во имя Господне*. В Его приходе видели исполнение воли Божией, восстановление Божественной справедливости. Весь народ объединяла «надежда на то, что долгая израильская история наконец придет к своей назначенной Богом цели»²⁹.

Несмотря на отсутствие у еврейского народа единой, четко сформулированной концепции Мессии, тот факт, что с Мессией связывались политические надежды, не вызывает сомнения. Вопрос в другом: почему Иисус принял, как кажется, царские почести? Почему Он не только не захотел их избежать, но, наоборот, как следует из синоптических Евангелий, организовал Свой въезд в Иерусалим таким образом, чтобы дать возможность народу в полной мере выразить чувства и эмоции, связанные с ожиданием могущественного царя?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны вспомнить о том, что Иисус всегда поступал последовательно, выстраивая Свой слова и действия таким образом, чтобы они привели к цели, для достижения которой Он пришел. А целью было отнюдь не воцарение в Иерусалиме в качестве политического вождя: целью было распятие на кресте. Именно поэтому многие поступки и слова Иисуса не вписываются в обычную человеческую логику, а оказываются прямо противоположны ей. Иисус принял царские почести и восторженные возгласы толпы, зная, что в скором времени им на смену придут крики проклятия и ненависти. Торжественный въезд в Иерусалим под крики ликующей толпы был одним из этапов Его восхождения на Голгофу.

Необходимо вспомнить о том, что тема царства занимает центральное место в Его проповеди с самого момента Его выхода на общественное служение. Проповедь Иисуса началась со слов: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4:17); *Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1:15). Свои притчи Он начинал словами: *Чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его?* (Лк. 13:18). Тема Царства Небесного, или Царства Божия, присутствует в качестве лейтмотива в Его притчах и поучениях.

Постоянно говоря о Царстве Небесном, Иисус, конечно, учитывал настроения Своих слушателей и объединявшую их надежду на восстановление утраченного могущества земного царства Израильского. Своей проповедью Он старался переориентировать людей с ожиданий, касающихся земной реальности, на реальность иного плана, не связанную ни с конкретным участком земли, ни с конкретным периодом времени. Материальные ценности Он учил полностью подчинять ценностям духовным: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6:33). В узком смысле под «этим всем» понимается еда, питье, одежда – то, что необходимо человеку для физического выживания. В более широком плане здесь может подразумеваться все, что относится к политическому и государственному устройству, к самому способу организации человеческого общества в целом и отдельного народа в частности.

Всякое царство предполагает царя. Въезжая в Иерусалим на ослике, Иисус дал людям видимый образ того, каким Царем должен быть Тот, Чье Царство – *не от мира сего* (Ин. 18:36). В течение нескольких лет Он пытался объяснить Своим ученикам и народу, какое Царство Он принес на землю. Теперь Он пожелал явить это в запоминающемся видимом образе. И оказа-

²⁸ Подробнее об этом см. в: Mowinkel S. He That Cometh. P. 4–9 (Мессия как Царь), 56–95 (концепция «царства» в древнем Израиле), 280–345 (Мессия как национальный вождь).

²⁹ Райт Н. Т. Иисус и победа Бога. С. 438.

лось, что главными качествами обетованного Мессии являются те, на которые указал пророк Захария: Он – Царь «праведный», «кроткий» и «спасающий» (Зах. 9:9). За всю историю израильского народа этими качествами в полной мере обладал лишь один Царь – Тот, Который пришел *исполнить всякую правду* (Мф. 3:15), Который был *кроток и смирен сердцем* (Мф. 11:29) и Которого Бог послал в мир, *чтобы мир спасен был чрез Него* (Ин. 3:17).

Такого Царя народ не ожидал. Иисуса встречали как политического вождя, который воссядет на престоле Давидовом, изгонит ненавистных оккупантов-римлян, восстановит утраченную еврейскую государственность. Он не оправдал этих надежд. И потому уже через несколько дней та же толпа, которая сейчас восторженно приветствует Иисуса словами *Осанна! Благословен Грядущий во имя Господне*, будет в неистовой ненависти кричать: *да будет распят* (Мф. 27:23), *распни, распни Его!* (Лк. 23:21; ср. Ин. 19:6; Мк. 15:13–14), *Он должен умереть* (Ин. 19:7); *смерть Ему!* (Лк. 23:18); *кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27:25). И те, кто провозглашает *Благословен Царь Израилев*, будут восклицать со злой иронией: *Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него* (Мф. 27:42). Со словами *Радуйся, Царь Иудейский!* Иисуса будут бить по голове тростью и плевать на Него (Мф. 27:19). Разочарование иудеев будет так велико, что, когда Пилат напишет на кресте: *Иисус Назорей, Царь Иудейский*, они скажут ему: *Не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский* (Ин. 19:19, 21).

Иудеи ждали Мессию, могущественного монарха, самодержца. Но то, что велико в глазах людей, ничтожно перед Богом. Искушение земной властью Иисус отверг в самом начале Своего пути, когда диавол предлагал Ему все царства мира (Мф. 4:8-10). Вместо земных царств Иисус взыскал одного – сердца человеческого, которое Он возжелал покорить не силой и могуществом, но кротостью и смирением. Иисусу нужны не рабы, но свободные сыны, которые избрали Его своим царем потому, что полюбили Его, а не потому, что Он сумел подчинить их Своей власти.

Иудеи не узнали Мессию в кротком и спасающем Царе, не вместили благовестия о Царстве, которое внутри сердца человеческого. Он учил их притчами о Царствии Божием, а они пытались узнать, когда и где увидят они это обещанное Им Царство. Но Он отвечал: *Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17:20–21). Иудеи так до конца и не поняли, о каком Царстве говорил Иисус. Этого не поняли и ученики до тех самых пор, пока не увидели Иисуса распятым на кресте с надписью *Царь Иудейский*. Тогда только было явлено миру то, о чем Он говорил в Своих проповедях: Царство Божие – это распятая на кресте любовь Бога к человеку.

Предложенная интерпретация реакции людей на торжественный въезд Иисуса в Иерусалим – лишь одна из возможных. Из Евангелий не следует напрямую, что *одна и та же толпа* встречала Иисуса при входе в Иерусалим и спустя несколько дней требовала Его распятия. В версии Луки действующими лицами в рассказе о входе Иисуса в Иерусалим оказываются только ученики: они привели к Нему осла; они же, *когда Он ехал, постилали одежды свои по дороге*; при приближении Иисуса к городу *все множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели они*; это же множество учеников восклицало: *благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних!* Народ упоминается только в описании диалога Иисуса с фарисеями: *И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют* (Лк. 19:35–40).

Вход Господень в Иерусалим. Икона. XVII в.

В повествованиях Матфея и Марка Иисуса приветствует народ, но это могли быть по преимуществу паломники, пришедшие в Иерусалим из других городов. Иоанн говорит о том, что люди выходят навстречу Иисусу из Иерусалима, но и здесь речь идет о *множестве народа, пришедшего на праздник* (Ин. 12:12), а не о коренных жителях Иерусалима. Таким образом, вполне можно сделать вывод, что Иисуса приветствовала толпа, состоявшая из Его учеников и паломников, пришедших на праздник, тогда как в стенах города Его ждала *другая толпа* — распропагандированная фарисеями и готовая дать Ему отпор.

Следует особо сказать об участии детей в описываемом событии. Матфей — единственный из евангелистов, кто говорит об этом:

Видев же первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотворил, и детей, восклицających в храме и говорящих: осанна Сыну Давидову! — вознегодовали и сказали Ему: слышишь

ли, что они говорят? Иисус же говорит им: да! разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу? (Мф. 21:15–16).

В евангельской истории Иисуса дети играют немаловажную роль. Своим ученикам Он говорит: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18:3). Возлагая руки на детей, Иисус обращает к ученикам увещание: *Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19:14). Дети обладают тем особым даром внутреннего видения, которого многие взрослые лишены по причине маловерия или отсутствия веры, обуревающих их грехов и страстей, искаженного восприятия действительности и неспособности за предметами земного бытия увидеть иную реальность. Дети не воспринимают мир рационально, и кроткого Царя на ослике они встречали с ликованием, которое исходило из их сердец, а не рассудка.

Иустин Философ. *Фреска. XVI в.*

Обратимся к святоотеческим толкованиям рассматриваемого события. Уже в середине II века Иустин Философ предлагает его развернутую аллегорическую интерпретацию в «Диалоге с Трифоном иудеем»:

Изречение «он привяжет к виноградной лозе жеребенка своего и к плющу жеребенка ослицы своей» (ср. Быт. 49:11) предуказывало как на дела, совершенные Им во время первого пришествия, так равно на народы, которые уверуют в Него. Они были как жеребенок, не имевший ни седла, ни ярма на шее своей, до тех пор, пока этот Христос не пришел и чрез посланных Им учеников не обратил их к учению Своему, и они, приняв то учение Его, покорили выю свою к перенесению всего в ожидании обещанных от Него благ. И действительно, Господь наш Иисус Христос, когда намеревался войти в Иерусалим, приказал ученикам привести к Себе ослицу, которая с жеребенком своим была привязана при входе в селение, называемое Виффагия, и, сев на нее, вступил в Иерусалим. Так как ясно было предсказано, что это будет исполнено Христом, то общеизвестное исполнение этого очевидно доказывает, что Он Христос... А что пророческий Дух вместе с патриархом Иаковом говорит, что Он будет иметь во владении именно ослицу подъяремную с жеребенком ее. это было предсказанием имеющих уверовать в Него людей как из синагоги вашей, так и из язычников. Ибо как осленок, не носивший ярма, был символом язычников, так подъяремная ослица указывала на людей из вашего народа, потому что вы имеете закон, который наложен был на вас чрез пророков³⁰.

³⁰ Иустин. Диалог с Трифоном иудеем. 53 (PG 6, 592–593).

Преподобный Ефрем Сирин. *Фреска. XIV в.*

В IV веке сирийский богослов и поэт Ефрем Сирин указывает на параллелизм между рождением Иисуса и Его вступлением в Иерусалим перед страданиями и смертью:

Яслями [Иисус] начал – на осленке достиг конца. Яслями – в Вифлееме, на осленке – в Иерусалиме... Воскликали дети и говорили: «благословение Сыну Давидову». В рождестве и смерти Его невинные дети украсили собой венец Его страдания. Младенец Иоанн взыграл пред Ним в утробе матери, и младенцы были убиты при рождестве Его и сделались как бы гроздьями Его брачного пира. Когда же достиг дня рождения Своей смерти, опять младенцы восклицали Ему благословение. Встревожился город Иерусалим во время рождества Его, смущен и уstraшен был и в тот день, когда Он вступил в него. Когда книжники слышали крики детей и с негодованием сказали Ему: «повели людям, чтобы совсем умолкли», ответил: *если они умолкнут, то камни возопиют* (ср. Лк. 19:39–40). Итак, они предпочли, чтобы кричали дети, а не камни, дабы при крике окаменелого естества ослепленные как-нибудь не образумились. Тем не менее этот крик камней был сохранен для той же цели

на время Его распятия, когда при молчании одаренных языком безгласная природа возвестила величие Господа³¹.

Святитель Иоанн Златоуст. *Фреска. XIII в.*

В своем толковании на Евангелие от Матфея Иоанн Златоуст указывает на три причины, по которым Иисус решил въехать в Иерусалим на осле, а не войти пешком, как Он это делал обычно. Во-первых, тем самым Он исполнил пророчество Захарии. Во-вторых, явил пример умеренности во всем:

Он не только исполнял пророчества и насаждал учение истины, но через это исправлял и нашу жизнь, везде поставляя нам за правило удовлетворять только крайней необходимости. Такое исправление нашей жизни Он везде имел в виду: так, когда благоволил родиться на земле, то не искал богато убранного дома, ни матери богатой и знаменитой, но избрал бедную, Которая

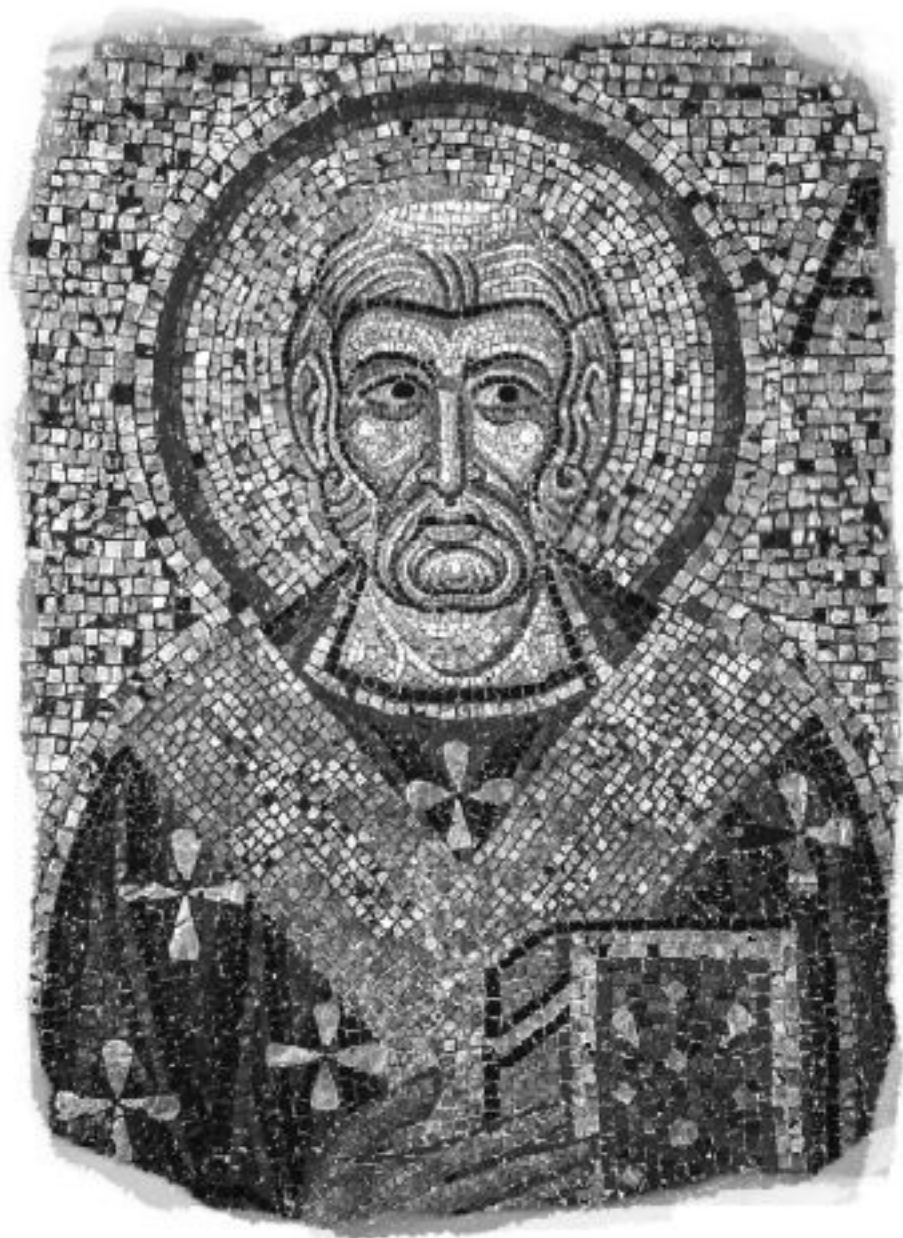
³¹ Ефрем Сирий. Толкование на Четвероевангелие. 18 (Commentaire de l'Evangile concordant. P. 204–208).

обручена была плотнику; рождается в вертепе и полагается в яслях; избирая учеников, избрал не ораторов и мудрецов, не богатых и славных, но и между бедными самых бедных и нисколько не знаменитых; равным образом, когда предлагал трапезу, то иногда предлагал хлеб ячменный, иногда только перед самой трапезой повелевал ученикам купить на рынке; вместо ложа употреблял траву; одежду носил бедную, не отличающуюся от одежды самых простых людей; а дома вообще и не имел; если Ему нужно было переходить с одного места в другое, то ходил пешком, и притом так, что иногда даже утомлялся; когда садился, не искал ни стула, ни мягкого возглавия, но сидел на голой земле, иногда на горе, иногда при источнике, даже в одиночестве. Он полагал меру даже для печали: когда надлежало плакать, плакал тихо. Так и теперь, сделал ограничение, показывая, что не на конях, не на мулах надо мчаться, но должно довольствоваться ослом и никогда не искать сверх необходимого. Не на колеснице едет, как обычно поступают другие цари, не требует дани, не наводит Собою страха, не имеет копьеносцев, но и здесь показывает величайшую кротость. Спроси у иудея: был ли какой-нибудь царь, который бы на осле въезжал в Иерусалим? Он не может указать тебе никого, кроме только Христа³².

В-третьих, Иисус воссел на осла «в предзнаменование будущего». Здесь Златоуст обращается к обычно не характерному для него аллегорическому способу толкования евангельского текста и говорит вслед за Иустином Философом, что осел и осленок являются образами иудеев и язычников, которые придут в Церковь: «Ученики отвязывают осла и осленка: и иудеи, и мы призваны в новоблагodatную Церковь чрез апостолов, введены в нее тоже чрез апостолов. Наша блаженная и славная участь и в иудеях возбудила ревность: осел идет позади осленка. И действительно, после того как Христос воссядет на язычников, тогда и иудеи по чувству соревнования придут к Нему»³³.

³² Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 66, 2 (PG 58, 628). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 675–676.

³³ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 66, 2 (PG 58, 628). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 676.

Блаженный Августин. Мозаика. XIII в.

Блаженный Августин обращает внимание на царственное достоинство Иисуса, проявившееся в рассматриваемом событии, на Его смирение, уничижение и снисхождение:

Христос – Учитель уничижения, Который *смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2:8). Однако Он не теряет Своей Божественности, когда дает нам пример уничижения. Разве великим делом было для Царя веков стать Царем человеков? Ведь не для того Царем Израиля был Иисус, чтобы обложить их данью или войско их снабдить оружием и видимым образом истребить их врагов. Но Он был таким Царем Израиля, Который правит умами, учит вхождению в вечность, ведет в Небесное Царство тех, кто верит, надеется и любит. Для Слова Божия, равного Отцу, для Слова, через Которого *все... начало быть* (Ин. 1:3), стать Царем Израиля –

не получение чести, но снисхождение. Это знак проявленной жалости, а не преумноженной власти³⁴.

Святитель Андрей Критский. *Фреска. XVI в.*

Андрей Критский в слове на Вход Господень в Иерусалим обращает особое внимание на пример кротости, преподанный Иисусом:

Приидите, возлюбленные, встретим Христа, Который днесь возвращается из Вифании и добровольно грядет на честную и блаженную страсть нашего ради спасения... Грядет же не как ищущий славы и не с великолепием, но является кротким и смиренным. Что смирнее осла? Христос

³⁴ *Августин. Тракта́т на Евангелие от Иоанна. (CCSL 36, 440441). Рус. пер. Библийские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 2. С. 183.*

же, сидящий на херувимах, не устыдился воссесть на осленка, как на трон. Уподобься детям еврейским: младенчеству во зле. Перемени седину волос на кротость младенца: бесполезна седина, если нет простоты. Смирись со смиренными, с молчаливыми заботься о молчании. А если спросят тебя, отвечай кротко. Помысли, человек, сколь велики страдания Христа моего и Бога. Как много предпринимали дерзкие и христоненавистные люди против Кроткого и Смиренного, против Того, Кто претворял для них воду в вино, Кто вместе с ними вечерял, Кто призывал самарян, оправдывал мытарей, блудниц обращал к целомудрию, иссушал течение кровей, изгонял демонов, очищал прокаженных, хромым, согбенным делал прямо ходящими, укреплял члены расслабленным, исцелял сухую руку, подавал глухим слух, слепым зрение, немым способность речи, ходил по морю, немногими хлебами питал многие тысячи людей, словом воскрешал мертвецов!³⁵

Событие Входа Господня в Иерусалим имеет долгую историю толкования в литургической традиции Церквей Востока и Запада. Уже в IV веке в Иерусалиме это событие торжественно праздновали, о чем свидетельствуют записки Эгерии – западной паломницы, посетившей Иерусалим в 381–384 годах. По ее словам, на этот праздник верующие во главе с епископом собирались на горе Елеонской, откуда по совершении там богослужения процессия под пение антифонов и гимнов двигалась в Иерусалим; при этом дети из окрестных деревень держали в руках пальмовые и оливковые ветви³⁶.

Со временем Вход Господень в Иерусалим стал одним из главных церковных праздников: в календаре Православной Церкви он входит в число двенадцати, отмечаемых с особой торжественностью. По традиции за богослужением верующие держат в руках пальмовые ветви (на Руси издревле заменяемые ветвями вербы). Праздник совершается за неделю до Пасхи и тематически связан с воспоминаемым накануне воскрешением Лазаря. Некоторые песнопения являются общими для Лазаревой субботы и Входа Господня в Иерусалим, в частности тропарь:

Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря Христе Боже. Темже и мы яко отроцы победы знамения носяще, Тебе победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне³⁷.

Давая уверенность во всеобщем воскресении накануне Твоих страданий, Ты воскресил Лазаря, о Христос Бог. Поэтому и мы, как дети, держа в руках знаки победы, воспеваем Тебе, Победителю смерти: осанна в вышних, благословен Грядущий во имя Господне.

Таким образом, оба события трактуются авторами богослужебных текстов как неразрывно связанные одно с другим, и два праздника превращаются в единый двухдневный праздник. Оба они, несмотря на свой радостный характер, вводят верующего в Страстную седмицу – неделю, когда Церковь воспоминает последние дни земной жизни Иисуса, Его арест, суд над Ним, Его смерть на кресте и погребение.

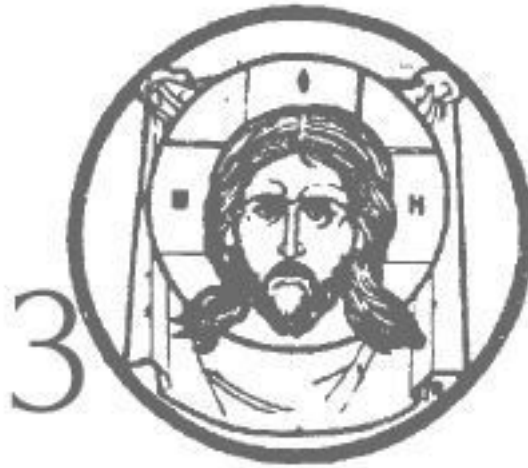
³⁵ Андрей Критский. Слово в неделю Ваий (PG 97, 985-1018).

³⁶ Паломничество Эгерии. 31 (SC 296, 274).

³⁷ Триодь постная. Лазарева суббота. Вечерня. Тропарь.

3. Иисус оплакивает Иерусалим

Что последовало за въездом Иисуса в Иерусалим? Евангелисты говорят об этом по-разному.

Наиболее лаконичен Марк. Он рисует сумрачную картину краткого посещения Иисусом храма, достаточно резко контрастирующую с радостной тональностью рассказа о въезде в Иерусалим под ликующие вопли толпы: *И вошел Иисус в Иерусалим и в храм; и, осмотрев всё, как время уже было Позднее, вышел в Вифанию с ДвенадцатЬЮ* (Мк. 11:11). Поскольку Марк не упоминал о каких-либо предыдущих посещениях Иисусом Иерусалима, может создаться впечатление, что Он впервые видит храм. Проведя ночь в Вифании, Иисус на другой день возвращается в город. По дороге Он проклинает смоковницу, а придя в храм, выгоняет оттуда продающих и покупающих. Вечером Он вновь уходит из города, а на следующее утро снова идет в Иерусалим. По дороге ученики обнаруживают, что проклятая Иисусом смоковница засохла (Мк. 11:12–20).

Проклятие смоковницы. Миниатюра. XVII в.

Матфей рисует иную картину. По его словам, когда Иисус вошел в Иерусалим, *весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского* (Мф. 21:10–11). Эта картина всеобщего возбуждения мало похожа на ту, которая вырисовывается из повествования Марка. Далее у Матфея следует изгнание торгующих из храма, а затем – приведенный выше диалог между Иисусом и фарисеями, недовольными тем, что Иисуса приветствуют дети. Вечером Иисус удаляется в Вифанию, а на следующее утро, возвращаясь в город, проклинает смоковницу. Она мгновенно засыхает на глазах у изумленных учеников (Мф. 21:12–19).

Лука – единственный из евангелистов, кто рассказывает о том, как Иисус заплакал об Иерусалиме. Изгнание торгующих из храма у Луки следует сразу же за входом Иисуса в Иерусалим. Чудо иссушения смоковницы у него отсутствует.

Наконец, в Евангелии от Иоанна за входом Иисуса в Иерусалим следует несколько эпизодов, отсутствующих у синоптиков: рассказ о том, как пришедшие на праздник еллы пожелали увидеть Иисуса (Ин. 12:20–22); монолог Иисуса, прерываемый молитвой к Отцу и ответным голосом с неба (Ин. 12:23–28); повествования о последних беседах Иисуса с народом,

прерываемые комментариями евангелиста (Ин. 12:29–50). Сразу же за этими эпизодами следует рассказ об омовении ног на Тайной Вечере (Ин. 13:1–11). Весь этот материал из Евангелия от Иоанна был подробно рассмотрен нами в книге «Агнец Божий». В той же книге мы рассмотрели повествования всех четырех евангелистов об изгнании Иисусом торгующих из храма³⁸.

Изгнание торгующих из храма. Эль Греко. До 1570 г.

Напомним, что в Евангелии от Иоанна изгнание торгующих – одно из первых публичных деяний Иисуса, совершённое Им вскоре после выхода на проповедь, тогда как у синоптиков оно происходит после торжественного въезда Иисуса в Иерусалим (у Марка – на следующий день после этого). Данное разногласие нередко объясняют тем, что синоптики вообще не упоминают о посещениях Иерусалима Иисусом до того, как Он торжественно вошел в него, а потому им просто некуда больше было поместить рассказ об изгнании торгующих из храма. Мы, со своей стороны, согласны с теми древними толкователями, которые считают, что Иисус дважды изгнал из храма торгующих: один раз – в начале Своего служения, другой раз – в конце³⁹.

Почему одна и та же сцена при разных посещениях храма не могла вызвать у Него одинаковую реакцию?⁴⁰

³⁸ Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. V: Агнец Божий.

³⁹ Иоанн Златоуст. Беседы на святого Матфея-евангелиста 67, 1 (PG 58, 631. Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 681; «Об этом говорит и Иоанн, только говорит в начале Евангелия, а Матфей в конце. Поэтому вероятно, что так случилось два раза, и притом в разное время»); Августин. О согласии евангелистов. 2, 67 (PL 34, 140–141; «Господь совершил это не один, а два раза. В первый раз тогда, когда об этом упомянул Иоанн, а во второй – когда об этом поведали прочие три евангелиста»).

⁴⁰ Подробнее см. в кн: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. V: Агнец Божий. С. 71–76, 96–107.

Чудо иссушения смоковницы – единственное чудо, совершённое Иисусом после того, как Он вступил в Иерусалим. Оно было рассмотрено нами в книге «Чудеса Иисуса»⁴¹. О нем говорят только Матфей и Марк: у Луки оно отсутствует.

Обратимся к тому эпизоду из Евангелия от Луки, связанному с торжественным въездом в Иерусалим, который не имеет параллелей в других Евангелиях. Во всем корпусе Евангелий лишь дважды упоминается о том, что Иисус плакал: один раз – в Евангелии от Иоанна, в рассказе о воскрешении Лазаря (Ин. 11:35), другой раз – в повествовании Луки о приближении Иисуса к Иерусалиму:

И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Лк. 19:41–44).

Эта эмоциональная сцена приоткрывает завесу над внутренним миром Иисуса, показывая, что Ему была по-человечески дорога Его земная родина и Он не мог без глубокого душевного волнения думать о предстоящих ей бедствиях. В то же время тональность, в которой Иисус говорит об Иерусалиме, напоминает ту, в которой бедствия предсказывали ветхозаветные пророки⁴². Его тревожила судьба земного Иерусалима, но Он был бессилен что-либо в ней изменить – подобно древним пророкам, которым Бог приоткрывал будущее, но которые не могли повлиять на ход предсказываемых ими событий.

Иисус плачет об Иерусалиме. Энрике Симоне Ломбардо. 1892 г.

⁴¹ См.: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. III: Чудеса Иисуса. С. 432–444.

⁴² Kinman B. Jesus' Entry into Jerusalem. P. 138.

Здесь мы имеем дело с одним из парадоксов, касающихся всего служения Иисуса, а в более общем плане – всей системы взаимоотношений между Богом и человеком как она раскрывается в христианстве. Бог всемогущ, и Иисус, как Сын Божий, равный Отцу, всемогущ, но всемогущество Бога отступает перед человеческой свободой. Бог может предложить людям путь к спасению, но не может навязать его им.

Выше мы говорили, что, проповедуя Царство Небесное, Иисус не интересовался властью над земным царством, не претендовал на какую-либо политическую власть или роль. Он пришел не для того, чтобы спасти Иерусалим от разрушения и Израильское царство от уничтожения, а чтобы спасти мир от рабства греху и открыть людям путь к «городу, сходящему от Бога с неба» – новому Иерусалиму (Откр. 21:2). Это, однако, не означает, что Он был безразличен к судьбе Своей страны. Напротив, в Нем жила горячая человеческая любовь к ней, которая сочеталась с ясным пониманием Своей собственной миссии.

Иисус прямо обвиняет Иерусалим в том, что он *не узнал времени посещения* своего. Термин «посещение» (ἐπισκοπή) наводит на мысль о некоем параллелизме между словами Иисуса и пророчеством Захарии о рождении Мессии: *Благословен Господь Бог Израилев, что посетил (ἐπεσκέψατο) народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего* (Лк. 2:68–69). Дарование народу Израильскому Мессии было особым посещением Божиим. Но народ не распознал этого посещения, остался глух к Его проповеди, не воспринял Его призыв к покаянию. Тайна спасения осталась сокрыта от глаз его.

Пленные евреи из Иудеи на внутренней стене арки Тита

Последующая христианская традиция однозначно воспримет разрушение Иерусалима в 70 году войсками Тита как наказание народа израильского за отвержение Мессии. В III веке Ориген, полемизируя с иудеем, напишет:

...Пусть он поразмыслит над тем, каким образом Иисус предсказал будущую судьбу Иерусалима, которую ему готовили римляне, – предсказал в то время, когда он твердо стоял и в нем совершалось еще все иудейское богослужение. Тогда перед Иерусалимом не стояло еще никакого войска с целью окружить его, обложить и осадить. Эта осада в первый раз началась при императоре Нероне и тянулась вплоть до правления Веспасиана. Сын этого последнего,

Тит, и разрушил Иерусалим до основания. Это случилось, как пишет Иосиф⁴³, в наказание за убийство Иакова Праведного, брата Иисуса, называемого Христом, по голосу же истины – из-за Иисуса, Христа Божия⁴⁴.

Ученые спорят, в какой степени подобного рода толкование вытекает из многочисленных предсказаний Иисуса о разрушении Иерусалима. Некоторые утверждают, что евангелист Лука не считал разрушение Иерусалима прямым последствием смерти Иисуса⁴⁵. Возможно, это и так. Однако Сам Иисус в приведенных словах, донесенных до нас Лукой, несомненно, проводит прямую причинно-следственную связь между двумя событиями: Иерусалим будет разрушен за то, что не узнал времени посещения своего.

Особую тональность речи Иисуса придает то, что Он не говорит об Иерусалиме в третьем лице, но обращается к нему напрямую, называя его на «ты» (в коротком отрывке греческого текста это местоимение употреблено двенадцать раз, что подчеркивает драматизм предсказания о гибели города). Ранее Иисус уже укорял города, *в которых наиболее было явлено сил Его, за то, что они не покались*; к ним Он тоже обращался напрямую:

Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покались, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе (Мф. 11:21–24; ср. Лк. 10:13–15).

Теперь приходит черед и Иерусалиму услышать горькие слова от не узнанного им Мессии.

Иерусалим – не только политическая столица Израильского царства. Это еще и духовный центр, сердцевинной которого является храм. Не случайно, войдя в Иерусалим, Иисус первым делом направится в храм. Обращаясь к Иерусалиму, Он прежде всего имеет в виду храмовое духовенство – первосвященников, вставших в оппозицию к Нему вместе с книжниками и фарисеями. Они узурпировали духовную власть над народом, воссев на Моисеевом седалище (Мф. 23:2). Они сделали Иерусалимский храм вертепом разбойников (Мф. 21:13; Мк. 11:17; Лк. 19:46). Они в конечном ИТОГЕ понесут ответственность и за политическую гибель Израильского царства, от столицы которого не останется камня на камне (Мф. 24:2; Мк. 13:2; Лк. 19:44; 21:6).

В Евангелиях от Матфея и Луки есть еще одно прямое обращение Иисуса к Иерусалиму. Оно тоже состоит из упреков:

Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне! (Мф. 23:37–39; ср. Лк. 13:34–35).

У Матфея этими словами завершается поучение Иисуса в Иерусалимском храме. У Луки Иисус произносит их, еще будучи на пути в Иерусалим, в ответ на предостережение фарисеев о

⁴³ Этого утверждения нет в сочинениях Иосифа Флавия в том виде, в каком они дошли до нас, однако помимо Оригена оно было известно также Евсевию Кесарийскому (Церковная история. 2, 23, 20. С. 103) и блж. Иерониму (О знаменитых мужах. 13, PL 23, 632).

⁴⁴ Ориген. Против Цельса. 2, 13 (GCS2, 143).

⁴⁵ Fitzmyer J. A. The Gospel according to Luke (X–XXIV). P. 1255.

том, что Ирод хочет убить Его. Очевидно, что Лука видит в них предсказание о торжественном входе Иисуса в Иерусалим, которое он опишет несколькими главами позже, а Матфей – предсказание о грядущей славе Мессии и Его воскресении. Если следовать толкованию Златоуста, приведенные слова у Матфея являются пророчеством о втором пришествии Иисуса⁴⁶.

Слова *сколько раз хотел Я собрать детей твоих* можно понять в том смысле, что Иисус многократно посещал Иерусалим и что об этом знали евангелисты-синоптики. Однако более убедительным представляется толкование, согласно которому Иерусалим в данном случае – собирательный образ, обозначающий весь израильский народ. В судьбе Иерусалима сфокусирована вся история Израиля, а совершённые в Иерусалиме преступления, в том числе убийство пророков, отражают духовно-нравственный уровень «народа жестоковейного» (Исх. 32:9), «людей с необрезанными сердцами и ушами» (Деян. 7:51).

Пророк Иеремия. Фреска. Микеланджело. XVI в.

Упреки Иисуса в адрес Иерусалима звучат как приговор. Но это не приговор судьи. Иисус оплакивает Иерусалим, подобно древним пророкам. Здесь можно вспомнить Плач Иеремии,

⁴⁶ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 74, 3 (PG 58, 683). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 748.

написанный после разрушения Иерусалима в 586 году до Р.Х. войсками вавилонского царя Навуходоносора:

Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его... Тяжко согрешил Иерусалим, за то и сделался отвратительным. Враг простер руку свою на все самое драгоценное его; он видит, как язычники входят во святилище его. Об этом плачу я; око мое, око мое изливает воды. Истощились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя от гибели дщери народа моего... Совершил Господь, что определил, исполнил слово Свое, изреченное в древние дни, разорил без пощады. (Плач 1:1–2, 8, 10, 16; 2:11, 17).

Причину разорения города пророк видит в том, что он тяжело согрешил. Разница между Иеремией и Иисусом заключается в данном случае в том, что Иеремия оплакивает уже совершившееся событие, тогда как Иисус плачет о том, что еще должно произойти. Тем не менее в обоих случаях разрушение города видится как наказание от Бога за грехи, как прямое следствие отвержения воли Божией.

* * *

Иерусалим занимает центральное место в истории Древнего Израиля. Иерусалим – средоточие чаяний, надежд, ожиданий еврейского народа. Там расположен храм – главная святыня всего Израиля, где приносятся жертвы. Не случайно каждый год вереницы паломников тянутся в святой город, чтобы там, в стенах храма, принести жертвы за грехи, умиловить Бога, послушать наставления учителей.

В земной жизни Иисуса Иерусалим тоже занимает особое место. Как мы уже говорили, значительная часть действия Евангелия от Иоанна разворачивается в Иерусалиме. В Евангелии от Луки первым переломным пунктом являются слова о том, что Иисус *восхотел идти в Иерусалим* (Лк. 9:51). Дальнейшее служение Иисуса представлено не как переход из города в город, а как целеустремленное шествие к Иерусалиму (который упоминается в этом Евангелии почти столько же раз, сколько в остальных Евангелиях вместе взятых)⁴⁷. Вход Иисуса в Иерусалим (Лк. 19:36–44) становится вторым переломным пунктом.

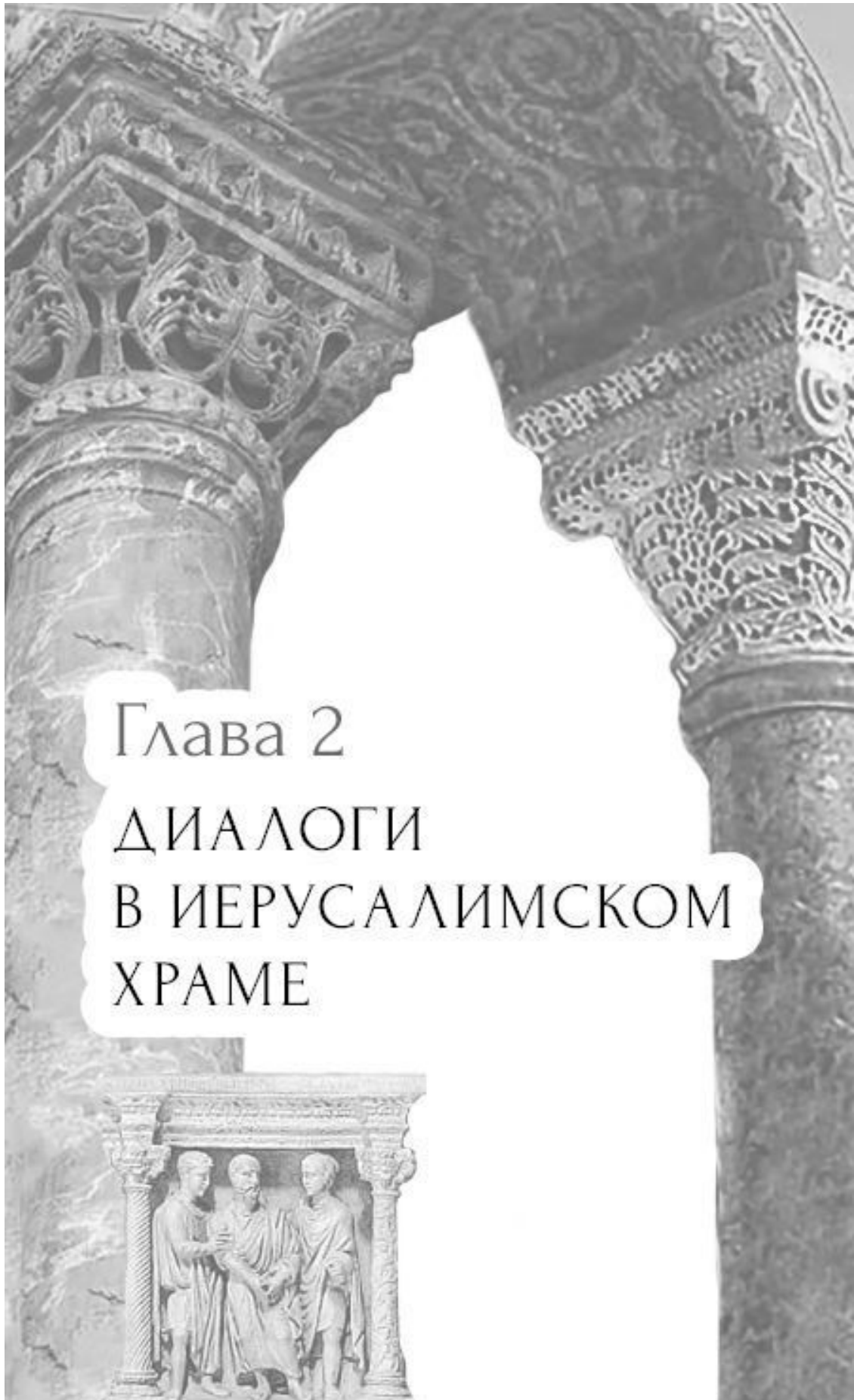
С этого момента начинается история последних дней земной жизни Иисуса, описанная с максимальными подробностями каждым евангелистом. Именно эта история, увенчанием которой становится смерть и воскресение Иисуса, занимает центральное место во всех четырех Евангелиях, являясь их кульминацией и смысловым центром. Именно в свете этой истории обретают смысл все предшествующие слова и действия Иисуса.

⁴⁷ См.: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. I: Начало Евангелия. С. 159.

Глава 2

Диалоги в Иерусалимском храме

Завершая повествование о входе в Иерусалим и изгнании торгующих из храма, евангелист Лука пишет об Иисусе: *И учил каждый день в храме. Первосвященники же и книжники и старейшины народа искали погубить Его, и не находили, что бы сделать с Ним; потому что весь народ неотступно слушал Его* (Лк. 19:47–48).

Чему учил Иисус в храме? Об этом синоптические Евангелия рассказывают достаточно подробно. В них мы находим несколько диалогов Иисуса с Его оппонентами – фарисеями, первосвященниками, книжниками, старейшинами, саддукеями и иродианами⁴⁸. Представители этих групп задают Ему вопросы с целью *уловить Его в словах* (Мф., гл. 22:15), Он отвечает на поставленные вопросы.

Наконец, евангелист Матфей приводит два пространных поучения Иисуса: о книжниках и фарисеях (Мф., гл. 23), о разрушении Иерусалима, кончине мира и Страшном суде (Мф. 24–25). Эти поучения будут рассмотрены в следующей главе.

Объектом нашего внимания в настоящей главе станут пять эпизодов: ответ Иисуса первосвященникам и старейшинам о природе Его власти; ответ на вопрос фарисеев и иродиан, позволительно ли давать подать кесарю; диалог с саддукеями о воскресении; ответ на вопрос книжника о наибольшей заповеди в законе Моисеевом; диалог с фарисеями о наименовании «сын Давидов».

⁴⁸ Об этих группах см: *Иларион (Алфеев), митр.* Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. I: Начало Евангелия. С. 636–645.

Христос и фарисеи. Эрнст Циммерман. XIX в.

Между первым и вторым из перечисленных эпизодов евангелист Матфей помещает три притчи – о двух сыновьях, о злых виноградарях и о брачном пире (Мф. 21:28–22:14). Они были рассмотрены нами в книге «Притчи Иисуса»⁴⁹, поэтому в настоящей главе мы не будем к ним возвращаться.

⁴⁹ См.: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. IV: Притчи Иисуса. С. 452–511.

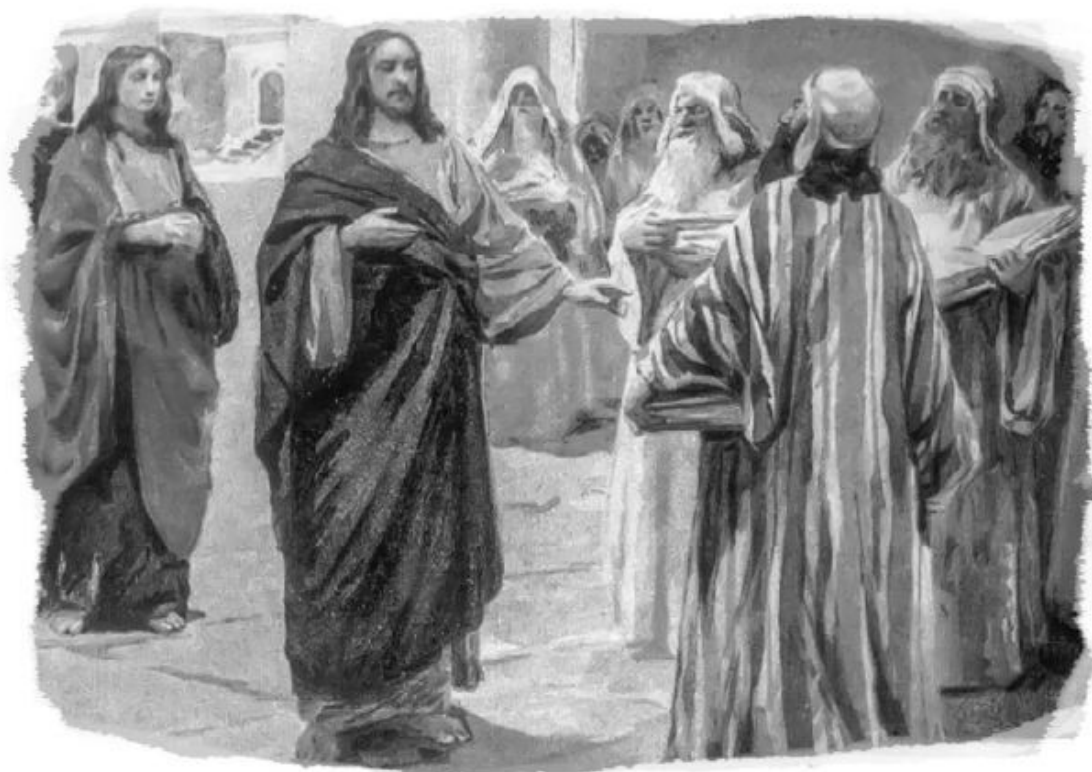
1. «Какою властью Ты это делаешь?»

Первый из интересующих нас эпизодов рассказан всеми тремя синоптиками. Согласно Марку, он происходит через день после входа Иисуса в Иерусалим. Как мы помним, у Марка Иисус входит в храм Иерусалимский вечером, осматривает его, а затем уходит на ночь в Вифанию. На другой день Он проклинает смоковницу и изгоняет торгующих из храма. Вечером Он вновь выходит из города. Утром третьего дня Он возвращается в Иерусалим, на пути ученики видят иссохшую смоковницу, Иисус произносит поучение о вере (Мф. 11:11–26). После этого и происходит интересующий нас эпизод:

Пришли опять в Иерусалим. И когда Он ходил в храме, подошли к Нему первосвященники и книжники, и старейшины и говорили Ему: какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал власть делать это? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном, отвечайте Мне; тогда и Я скажу вам, какою властью это делаю. Крещение Иоанново с небес было, или от человеков? отвечайте Мне. Они рассуждали между собою: если скажем: с небес, – то Он скажет: почему же вы не поверили ему? а сказать: от человеков – боялись народа, потому что все полагали, что Иоанн точно был пророк. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Тогда Иисус сказал им в ответ: и Я не скажу вам, какою властью это делаю (Мк. 11:27–33).

У Матфея проклятие и иссушение смоковницы происходит на следующий день после входа в Иерусалим и изгнания торгующих из храма. В тот же день происходит и диалог с первосвященниками и старейшинами (книжники не упоминаются) о власти Иисуса (Мф. 21:23–27), текстуально почти ничем не отличающийся от его изложения у Марка. Лука не уточняет, в какой день произошла беседа: *В один из тех дней, когда Он учил народ в храме и благовествовал, приступили первосвященники и книжники со старейшинами...* Дальнейшее повествование (Лк. 20:1–8) почти полностью совпадает с версиями Марка и Матфея. Если Лука был знаком с обеими версиями, вполне вероятно, что выражение *В один из тех дней* употреблено им сознательно, во избежание путаницы.

Христос и фарисеи. *Клавдий Лебедев. XIX в.*

Вопрос оппонентов Иисуса можно трактовать двояко: как относящийся к деятельности Иисуса в целом или как относящийся к конкретному деянию – изгнанию торгующих из храма. Более убедительной представляется вторая трактовка. Только что Иисус совершил действие, которое Его противники могли расценить по меньшей мере как хулиганство, а скорее – как святотатство: Он вторгся в священное пространство храма, опрокинул столы меновщиков и рассыпал деньги (отметим, не просто деньги, а пожертвования на нужды храма), изгнал бичом животных (опять же не просто животных, а тех, которых должны были принести в жертву), нарушил привычное течение дел. И все это – на глазах тысяч паломников. По какому праву Он это сделал?

Иоанн Златоуст так передает смысл вопроса иудеев: «получил ли Ты кафедру учительскую, или рукоположен во священника, что выказываешь такую власть?»⁵⁰ Иисусу напоминают о том, что у Него нет ни образования, которое позволяло бы брать на Себя роль учителя и толковать закон Моисеев, ни формального посвящения в священный сан⁵¹. Фарисеи, имевшие такое образование, и первосвященники, имевшие посвящение, чувствовали себя в храме хозяевами, тогда как Иисус был пришельцем, странником, явившимся ниоткуда и не обладавшим в их глазах никакими властными полномочиями.

Иисус, как это часто бывало и в других случаях, уклоняется от прямого ответа и отвечает вопросом на вопрос.

Его встречный вопрос фарисеям касается человека, чье имя было у всех на слуху: Иоанна Крестителя. Обладал ли он формальным образованием? Был ли священником? Кто дал ему власть делать то, что он делал: крестить людей в покаяние? Ответ на эти вопросы может быть только один: Иоанн был пророком, а пророческая харизма не зависит от образования или

⁵⁰ *Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 67, 2 (PG 58, 634). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 684.*

⁵¹ Отметим, что в Древнем Израиле, в отличие от христианской Церкви, обряд поставления во священники не включал в себя рукоположение (см. Лев., гл. 8).

посвящения, она – непосредственно от Бога. Однако собеседники Иисуса по понятным причинам не могут дать прямой ответ.

Здесь мы должны вспомнить, что, повествуя о деятельности Иоанна, евангелист Матфей упоминает «многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься». Иоанн беседовал с ними нелицеприятно, называя их «порождениями ехидниными» и спрашивая: *Кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния*. Он призывал их не кичиться своим происхождением от Авраама, напоминал о секире Божиего гнева, которая срубает под корень всякое древо, не приносящее плода, и предупреждал, что за ним идет Сильнейший его, Который *очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым* (Мф. 3:7-12). Иисус, как мы помним⁵², перенял у Иоанна эту жесткую тональность, в которой тот беседовал с фарисеями: Он тоже называл их «порождениями ехидниными» (Мф. 12:34; 23:33) и тоже напоминал, что *всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь* (Мф. 7:19).

Хотя Матфей и говорит о «многих» фарисеях и саддукеях, крестившихся от Иоанна, из их беседы между собой в присутствии Иисуса становится очевидно, что в основной своей массе они отвергли проповедь Иоанна. Потому вопрос Иисуса и ставит их в тупик.

⁵² См.: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. I: Начало Евангелия. С. 443–444.

Моисей, разбивающий скрижали Завета. Рембрандт. 1659 г.

Почему Иисус не захотел прямо ответить на вопрос о Своей власти? Очевидно, по той же причине, по которой отказывал фарисеям, когда они просили Его показать им знамение с неба (Мф. 16:1–4). Иисус многократно говорил иудеям о том, что Он послан Богом и выполняет Его волю (Ин. 4:34; 5:23, 30, 36–38; 6:29, 38–40, 44, 57; 7:16–18, 28–29, 33; 8:16, 18, 26, 29, 42; 9:4). Он говорил им, что Его власть – от Бога (Мф. 9:6; Мк. 2:10; Лк. 5:24; Ин. 5:27), но они отказывались верить Ему. Не убедило их и множество совершённых Им чудес. Именно о них Иисус сказал в притче о богаче и Лазаре: *Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16:31).

В беседах с иудеями Иисус нередко говорил об Иоанне. Он говорил, что *из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя* (Мф. 11:11). В то же время Он подчеркивал превосходство Своей миссии: *Вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине... Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его. Я же имею свидетельство больше Иоаннова* (Ин. 5:33, 35–36). Напоминая фарисеям

и саддукеям о крещении Иоанновом, Иисус проводит прямую параллель между ним и Своей миссией: как не приняли они крещение Иоанна и его проповедь покаяния, так не принимают служение Иисуса. Прямой ответ о природе Его власти в этой ситуации ничего не изменит.

Явление Христа народу. Александр Иванов. 1837–1857 гг.

Некоторые ученые видят в данном эпизоде указание на то, что на протяжении Своего служения Иисус вслед за Иоанном практиковал крещение и что именно эту практику Его оппоненты оспаривали⁵³. Однако синоптические Евангелия умалчивают о такой практике, а евангелист Иоанн упоминает о ней лишь вскользь, в рассказе о начале служения Иисуса (Ин. 3:21; 4:1), делая при этом оговорку, что *Сам Иисус не крестил, а ученики Его* (Ин. 4:2). Вряд ли на основе этих упоминаний можно сделать вывод о том, что Иисус сопровождал Свою проповедь крещением в течение всего времени, вплоть до прихода в Иерусалим перед последней Пасхой. Не будем забывать о том, что Иоанн пребывал в одном месте, на берегу Иордана, и люди шли к нему туда, тогда как Иисус постоянно переходил из города в город, из селения в селение.

В Евангелии от Матфея частью диалога с первосвященниками и старейшинами является притча о двух сыновьях. Ее сюжет прост: у одного отца было два сына; обоим отец повелел пойти поработать в своем винограднике; первый ответил отказом, но после, раскаявшись, пошел; второй ответил согласием, но в итоге не пошел. *Который из двух исполнил волю отца?* – спрашивает Иисус. Ему отвечают: *первый* (Мф. 21:28–31). Толкованием притчи и одновременно продолжением диалога о природе Иоаннова крещения становятся слова Иисуса, обращенные к первосвященникам и старейшинам: *Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему* (Мф. 21:31–32).

Иисус последователен в Своих обвинениях. Он показывает, что на пути человека к Богу важна не исходная позиция, а то, как человек откликается на призыв к покаянию. Мытари и блудницы – самые презируемые члены общества. Привести их в пример первосвященникам и старейшинам – значит нанести последним смертельное оскорбление. Притча о злых виноградарях (Мф. 21:33–44), в которой собеседники узнают себя, довершает дело. Итог собеседова-

⁵³ Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. II. P. 166–167.

ния вполне закономерен: *И слышав притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит, и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за пророка* (Мф. 21:45–46).

Критическая масса сказанного Иисусом в адрес первосвященников и старейшин давно уже превысила в их глазах допустимый уровень. Они готовы перейти к решительным действиям, и только почитание народом Иисуса сдерживает их. Впрочем, вскоре это препятствие отпадет: «Людская толпа подвижна, и воля толпы неустойчива, и разные водные течения и ветры увлекают ее. Сейчас они почитают пророком Того, о Ком позже станут говорить: распни Его»⁵⁴.

⁵⁴ Иероним. Комментарий на Евангелие от Матфея. 3, 21,46 (CCSL 77, 199). Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 16. С. 178.

2. Подать кесарю

В следующем сюжете на сцену вместе с фарисеями выходят иродиане, под которыми, как правило, понимают служителей двора Ирода Антипы⁵⁵. В Евангелии от Матфея сцена следует за притчей о брачном пире (Мф. 22:1-14). Инициаторами диалога являются фарисеи:

Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак, скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли (Мф. 22:15–22).

Марк начинает рассказ со слов: *И посылают к Нему некоторых фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове.* Далее его версия (Мк. 12:13–17) отличается от версии Матфея лишь некоторыми терминами. Глагол «посылают» относится к первосвященникам, книжникам и старейшинам, упомянутым ранее (Мк. 11:27).

⁵⁵ Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. III. P. 562.

Динарий кесарю. Питер Рубенс. 1612 г.

У Луки инициаторами диалога являются первосвященники и книжники. Они, *наблюдая за Ним, подослали лукавых людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы Его в каком-либо слове, чтобы предать Его начальству и власти правителя*. Версия Луки текстуально почти идентична версии Марка, за исключением концовки: *И не могли уловить Его в слове перед народом, и, удивившись ответу Его, замолчали* (Лк. 20:20–26).

Чтобы понять смысл заданного вопроса, мы должны вспомнить, что во времена Ирода Великого, правившего всем Израильским царством от имени римлян, налоги сдавались в его казну, а он, в свою очередь, выплачивал дань римлянам. В общей сложности он собирал около 5,4 миллиона динариев в год. После его смерти в 4 году до Р. Х. царство было разделено; соответствующим образом были разделены налоговые обязательства: правитель Иудеи Архелай получал около 3,6 миллиона, правитель Галилеи и Перееи Ирод Антипа – около 1,2 миллиона, Филипп, управлявший Итуреей и Трахонитской страной, – около 600 тысяч⁵⁶. После отставки Архелая Иудея оказалась под прямым правлением римлян и налоги в пользу императора собирались через мытарей – евреев, нанимавшихся на службу к римским оккупантам.

Сама ситуация полной политической зависимости от римлян, отсутствия у иудеев полноценного собственного царя была причиной постоянного глухого недовольства и раздражения тех, кто считал себя духовной и политической элитой еврейского народа – членов синедриона, первосвященников и старейшин. Все они находились в вынужденной зависимости от римлян, при этом дух сопротивления не был окончательно сломлен. Верность того или иного человека национальным идеалам и традициям проверялась по его отношению к римской власти. Именно поэтому мытари пользовались всеобщим презрением.

Иисусу задают коварный вопрос. Если он ответит положительно, Его можно обвинить в коллаборационизме, пособничестве оккупантам. Если ответит отрицательно, Его можно упря-

⁵⁶ Storkey A. Jesus and Politics. P. 212.

тать в тюрьму. Вопрос задается при народе, так что отступать некуда, отмолчаться невозможно, все ждут ответа.

Изображение Тиберия на монете

Иисус просит принести монету, Ему проносят динарий – римскую монету, равную дневному заработку поденного рабочего. На монете изображен император, надпись гласит: «Тибериус кесарь Август, сын божественного Августа». Портрет кесаря и надпись, в которой император объявляется богом, является оскорблением для евреев⁵⁷, так как противоречит всему строю ветхозаветной религии, не допускавшей ни изображений, ни поклонения каким-либо иным богам, кроме Всевышнего. Тем не менее эта монета используется в торговле не только за стенами храма, но и внутри храма. Двусмысленность ситуации очевидна: Иисуса пытаются обвинить в коллаборационизме те, кто сами по уши в нем погрязли.

Как это бывало и в других случаях, вместо того чтобы дать один из двух ожидаемых ответов, Иисус переводит разговор в иную плоскость и произносит слова, которые заставляют Его собеседников умолкнуть. Вместо того, чтобы вдаваться в рассуждения на политические темы, Он говорит просто: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*. С земного царя Он переводит мысль слушателя на Царя Небесного. При этом Он не оспаривает право земного властителя собирать дань в свою пользу и долг подданных платить эту дань. Он как бы оставляет всю эту проблематику за скобками.

Хотя слова Иисуса не содержат в себе какую-либо политическую теорию, они оказали большое влияние на становление христианской социально-политической мысли. Парафразом

⁵⁷ Storkey A. Jesus and Politics. P. 226.

этих слов может служить изречение апостола Петра: *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Пет. 2:17). Данное изречение является частью пространныго наставления, которое Петр дает адресатам своего послания: *Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро* (1 Пет. 2:13–14). Апостол Павел развивает это учение еще более подробно:

Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получиши похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести (Рим. 13:1–5).

Важно отметить, что апостолы Петр и Павел призывают к лояльности и покорности той самой языческой власти, под которой Иудея находилась во времена Иисуса Христа. Эта позиция восходит к ветхозаветному представлению о том, что земной властитель, даже язычник и иноверец, поставлен от Бога и выполняет волю Божию. Пророк Иеремия записывает слова, которые он услышал от Бога относительно Навуходоносора – того самого, который разрушил Иерусалим и осквернил храм:

Я сотворил землю, человека и животных, которые на лице земли, великим могуществом Моим и простертою мышцею Моею, и отдал ее, кому Мне благоугодно было. И ныне Я отдаю все земли сии в руку Навуходоносора, царя Вавилонского, раба Моего, и даже зверей полевых отдаю ему на служение. И все народы будут служить ему и сыну его и сыну сына его, доколе не придет время и его земле и ему самому; и будут служить ему народы многие и цари великие. И если какой народ и царство не захочет служить ему, Навуходоносору, царю Вавилонскому, и не подклонит выи своей под ярмо царя Вавилонского, – этот народ Я накажу мечом, голодом и моровою язвою, говорит Господь, доколе не истреблю их рукою его. Народ же, который подклонит выю свою под ярмо царя Вавилонского и станет служить ему, Я оставлю на земле своей, говорит Господь, и он будет возделывать ее и жить на ней (Иер. 27:5–8, 11).

Согласно ветхозаветному представлению, Бог является источником всякой власти на земле: Он *низлагает царей и поставляет царей* (Дан 2:21). Соппротивление светской власти необходимо только в том случае, когда она требует отступления от веры (Дан. 3:16–18) или от «отеческих законов» (2 Мак. 7:1–41). В этом случае от верующего требуется готовность сопротивляться власти вплоть до смерти.

Апостолы Петр и Павел. Фреска. XVI в.

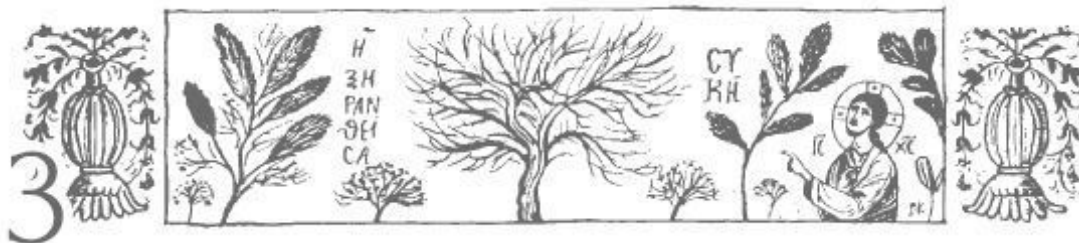
Христианство не внесло изменений в это представление о природе земной власти. Сам Иисус на суде у римского прокуратора скажет о том, что власть дана ему свыше (Ин. 19:11).

Ранние христиане будут доказывать свою покорность римской власти в многочисленных апологетических сочинениях. При этом многие из них с готовностью примут смерть, когда от них будут требовать отречения от Христа и принесения жертвы императору как божеству. Такую позицию Церковь сохранит на все последующие времена. Ее краткое изложение содержится в словах Златоуста: «Когда ты слышишь “отдавайте кесарево кесарю”, понимай под этим только то, что нисколько не вредит благочестию; все противное благочестию не есть уже дань кесарю, но дань и оброк дьяволу»⁵⁸.

⁵⁸ *Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 70, 2 (PG 58, 656). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 712.*

3. Диалог с саддукеями о воскресении

Учение саддукеев, выступающих на сцену в следующем эпизоде, по свидетельству Иосифа Флавия, было «распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатным родам». Влияние их Флавий называет ничтожным, а основными особенностями их учения считает то, что они не верят в бессмертие души и «не признают никаких других постановлений, кроме постановлений закона»⁵⁹. В другом месте историк пишет:

Саддукеи... совершенно отрицают судьбу и утверждают, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния, ни на злые, ни на добрые. Выбор между добром и злом предоставлен вполне свободной воле человека, и каждый по своему собственному усмотрению переходит на ту или другую сторону. Точно так же они отрицают бессмертие души и всякое загробное воздаяние. Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу. Отношения же саддукеев между собою суровее и грубее; и даже со своими единомышленниками они обращаются как с чужими⁶⁰.

Несмотря на краткость описания саддукейской партии у Иосифа Флавия, оно вполне соответствует тому, что мы узнаём о ней из синоптических Евангелий: вопрос саддукеев Иисусу как раз касается темы бессмертия души. Возможно, Флавий, будучи фарисеем, недооценивает влияние саддукеев: по крайней мере, некоторые из первосвященников I века, как предполагается, принадлежали к этой партии⁶¹. В Деяниях апостольских упоминаются *первосвященник и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской* (Деян. 5:17).

⁵⁹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. 18, 1, 4. С. 758.

⁶⁰ Иосиф Флавий. Иудейская война. 2, 8, 14. С. 963.

⁶¹ Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. III. P. 396–399.

Древнеримский бюст, предположительно изображающий Иосифа Флавия

Весьма условно саддукеев можно назвать либеральным крылом в спектре религиозно-политических партий внутри иудаизма времен Иисуса. Если верить Флавию, они исповедовали своеобразную форму деизма (Бог существует, но не вмешивается в дела людей). Саддукеи отвергали устные предания и считали необходимым соблюдать только те предписания Моисеева законодательства, которые зафиксированы в письменных источниках. Партия носила элитарный характер, к ней принадлежали исключительно члены аристократических семей, в народе она была непопулярна. Либерализм в вопросах вероучительных сочетался у саддукеев с ригоризмом в вопросах юридических⁶², поскольку, отвергая устные предания, они тем самым отвергали и различные послабления законов, введенные фарисеями.

⁶² Дискуссию по этому вопросу см. в: *Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. III. P. 403.*

В Евангелии от Матфея разговор Иисуса с саддукеями происходит в тот же день, что и разговор с учениками фарисеев и иродианами о подати кесарю:

В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его: Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему; было у нас семь братьев; первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женою? ибо все имели ее. Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах. А о воскресении мертвых не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых. И, слыша, народ дивился учению Его (Мф. 22:23–33).

Версия Марка лишь незначительно отличается от версии Матфея. Она завершается словами Иисуса, отсутствующими у Матфея: *Итак, вы весьма заблуждаетесь* (Мк. 12:18–27).

Версия Луки поначалу текстуально ближе к версии Марка, однако заключительные слова Иисуса приведены в ней более подробно, и концовка рассказа расширена:

Иисус сказал им в ответ: чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения. А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы. На это некоторые из книжников сказали: Учитель! Ты хорошо сказал. И уже не смели спрашивать Его ни о чем (Лк. 20:34–40).

В Ветхом Завете представления о посмертной судьбе людей не были четко систематизированы. Тексты из Исаии и Иезекииля, традиционно воспринимаемые в христианской традиции как пророчества о всеобщем воскресении (Ис. 25:6–8; 26:19–21; Иез. 37:1–11), в своем изначальном контексте имели отношение скорее к судьбе израильского народа: при помощи ярких образов и видений пророки предсказывали восстановление дома Израилева в его славе и могуществе. В более позднюю эпоху представление о всеобщем воскресении получило большее распространение, о чем свидетельствует история семи мучеников Маккавеев (2 Мак. 7:1–41)⁶³.

-ерпВетхий Завет не делает различия между адом и раем. Слово שְׁאוֹל *šə'ol* («шеол», исподняя») указывает на место посмертного пребывания всех людей, вне зависимости от их нравственного состояния при жизни. Шеол – «страна тьмы и сени смертной», «страна мрака», где нет устройства, где темно, как самая тьма (Иов 10:21–22). Он находится под землей (Быт. 37:35; Втор. 32:22); сошедшие туда не могут выйти из него (Иов 7:10); о них не вспоминает Бог, ибо они отринуты от руки Его (Пс. 87:6); обитатели шеола не могут восславить Бога (Пс. 87:11). В то же время в Ветхом Завете встречается мысль о присутствии Бога в преисподней: *взойду ли на небо, ты там; сойду ли в преисподнюю – и там ты* (Пс. 138:8). Присутствует и идея избавления сынов Израилевых от ада и смерти: *От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?* (Ос. 13:14).

⁶³ Подробнее о вере в воскресение мертвых в Ветхом Завете мы говорили в кн.: *Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. III: Чудеса Иисуса. С. 506–514.*

Лоно Авраамово. Икона. Ок. 1830 г.

Ко временам Иисуса учение о воскресении и посмертном воздаянии было достаточно широко распространено в еврейской среде⁶⁴. В Своей проповеди Иисус часто обращался к теме посмертного воздаяния, говоря о лоне Авраамовом (Лк. 16:22), где находят упокоение праведники, и геенне огненной (Мф. 5:22; 18:9; Мк. 9:47), где мучаются грешники, о жизни вечной и муке вечной (Мф. 25:46). Обращение к теме загробного воздаяния не было нововведением, и слова Иисуса ложились на подготовленную почву. Однако никогда ни один еврейский учитель до Иисуса не проводил столь четкую границу между посмертным блаженством праведником и мучением грешников, столь четкую связь между поведением человека в земной жизни и его судьбой в вечности.

Позиция саддукеев диссонировала с общепринятым представлением о посмертной судьбе человека. Они формулируют свой вопрос с подчеркнутым натурализмом, как бы желая

⁶⁴ См.: Setzer C. Resurrection of the Body in Early Judaism and Early Christianity. P. 6–20.

тем самым продемонстрировать заведомую абсурдность веры в воскресение. Апеллируя к известному закону левирата (Втор. 25:5-10), они проецируют его на загробное бытие, в результате чего создается карикатурная картина этого бытия. Они уверены, что на вопрос нет ответа⁶⁵.

Иисус обращается к тому, что для саддукеев является незыблемым: к Писанию. Он обвиняет их в том, что они не знают Писания, и доказывает реальность воскресения цитатой из Писания (Исх. 3:6). Эта цитата, как может показаться на первый взгляд, не имеет отношения к теме воскресения. По крайней мере, слова Бога, обращенные к Моисею из горящего куста, никогда до Иисуса не интерпретировались в таком ключе⁶⁶. Однако Иисус нередко трактовал ветхозаветные тексты в неожиданном ракурсе, вскрывая в них глубинные смысловые пласты, скрытые под буквой текста. Вряд ли Его экзегеза в данном случае убедила собеседников, однако она оказалась убедительной для народа, а по свидетельству Луки, даже для некоторых книжников.

⁶⁵ *Turner D. L. Matthew. P. 531.*

⁶⁶ *Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. III. P. 425, 427.*

Преподобный Иоанн Дамаскин. Икона. Нач. XIV в.

Слова Иисуса о том, что в воскресении *ни женятся, ни выходят замуж* (Мф. 22:30), нередко трактуют в том смысле, что брак является земным установлением, не имеющим продолжения в вечности. По словам Тертуллиана, «христианам, покинувшим мир сей, в день воскресения не обещается восстановление брака»⁶⁷. С другой стороны, тот же автор утверждает, что супруги воскреснут «в духовном союзе» и что «в жизни вечной Бог более не разделит тех, кого сочетал и кому в этой жизни запретил разводиться»⁶⁸. По мнению Иоанна Дамаскина, после всеобщего воскресения «не будет ни брака, ни деторождения»⁶⁹.

⁶⁷ Тертуллиан. К жене (CCSL 1, 374). Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 2. С. 199.

⁶⁸ Его же. О единоврании (CCSL 2, 1243). Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 2. С. 200.

В воскресении, утверждает Иисус, люди будут как *Ангелы Божии на небесах*. Для саддукеев, которые говорили, *что нет воскресения, ни Ангела, ни духа* (Деян. 23:8), это утверждение мало что значило. Однако христианская традиция обратила на него пристальное внимание. Ориген видел в нем подтверждение своей теории о том, что воскресшие из мертвых будут обладать такими же телами, как у ангелов: воздушными и излучающими свет⁷⁰. С Оригеном полемизировал Мефодий Патарский: изречение Иисуса, считал он, надо понимать не в том смысле, что в воскресении святые лишатся тел, а в том смысле, что состояние блаженства святых будет подобно состоянию ангелов⁷¹.

Многие древнецерковные писатели придерживались той точки зрения, что после всеобщего воскресения души людей соединятся с теми же телами, в которых они пребывали при жизни⁷². В то же время отмечали, что это будут преображенные тела – нетленные и бессмертные⁷³. Как игла, брошенная в огонь, меняет свой цвет и превращается в огонь, но не теряет своего естества, точно так же «в воскресение все члены будут воскрешены... и все сделается световидным, все погрузится и предложится в свет и в огонь, но не разрешится и не сделается огнем, так чтобы не стало уже прежнего естества»⁷⁴.

Вопрос о природе воскресших тел выходит за рамки настоящего исследования. Тем не менее мы посчитали нужным коснуться его здесь, поскольку он имеет отношение к воскресению Христа. Когда Иисус воскрес из мертвых, люди перестали Его узнавать: Мария Магдалина приняла Его за садовника (Ин. 20:15), двое путников не распознали в Нем своего Учителя (Лк. 24:16), некоторые из учеников усомнились в том, что это Он (Мф. 28:17). Воскресший Иисус проходил через закрытые двери (Ин. 20:19), и Его принимали за духа (Лк. 24:37). Все это говорит о том, что Его внешний вид изменился; возможно, изменилась также материя Его тела.

Диалог с саддукеями происходит в преддверии воскресения Иисуса и наряду с рассказом о воскрешении Лазаря (Ин. 11:1-41) является прелюдией к этому событию. Не случайно этот диалог приводят все три синоптика: тем самым они как бы расчищают пространство для восприятия читателем центрального события евангельской истории. Выстраивается та же логическая цепочка, которую мы находим у апостола Павла: *Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша* (1 Кор. 15:13–14).

⁶⁹ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 4, 27 (PG 94, 1225). С. 271.

⁷⁰ Ориген. Комментарии на Евангелие от Матфея. 17, 30. Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 16. С. 191.

⁷¹ Мефодий Патарский. О воскресении. 31. Рус. пер.: С. 229–230.

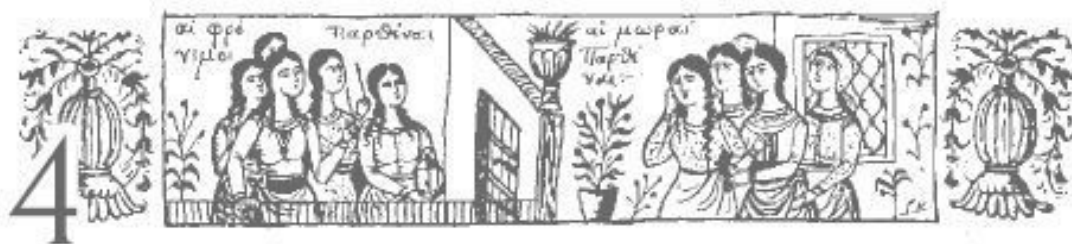
⁷² Иустин Философ. 1-я Апология. 9 (PG 6, 337). Рус. пер.: С. 37. Ср.: Афинагор Афинский. О воскресении мертвых. 2; 3; 25 (PG 6, 977–981, 1021; воскресшие «не могут опять существовать, как те же люди, если те же самые тела не будут возвращены тем же самым душам»); Тертуллиан. О воскресении плоти. 53 (CCSL 2, 998). Рус. пер.: С. 238 («воскреснет именно то тело, которое было посеяно»); 63 (CCSL 2, 1011). Рус. пер.: С. 247 («плоть воскреснет, и воскреснет всякая, и та же самая, и нисколько не поврежденная»); Григорий Нисский. О душе и воскресении (PG 46, 109). Рус. пер.: С. 282–283 («для той же души составится снова то же тело, сочетаемое из тех же стихий»).

⁷³ Иоанн Златоуст. Беседа о воскресении мертвых. 8 (PG 50, 430). Рус. пер.: С. 479.

⁷⁴ Макарий Египетский. Духовные беседы. 15, 10 (Die 50 geistlichen Homilien. S. 132). Рус. пер.: С. 330–331.

4. «Какая первая из всех заповедей?»

После первосвященников, старейшин, фарисеев, иродиан и саддукеев на сцену выступает еще один персонаж, которого Марк называет одним из книжников (εἰς τῶν γραμματέων). Марк приводит наиболее подробную версию рассказа:

Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет. Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть большие всех всесожжений и жертв. Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его (Мк. 12:28–34).

Как видим, Марк ничего не говорит о дурных намерениях книжника. Напротив, книжник, повторив сказанное Иисусом и даже несколько развив Его мысль, получает от Него похвалу.

Апостол и евангелист Марк. Миниатюра. 778–20 гг.

У Матфея дело обстоит иначе. Его рассказ начинается со слов: *А фарисеи, услышав, что Он привел саддукеев в молчание, собрались вместе. И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?* Далее Иисус излагает первую заповедь в сокращении (опуская слова *Слушай, Израиль! Господь, Бог наш, Господь один есть*), затем вторую, после чего заключает: *На сих двух заповедях утверждаются весь закон и пророки* (Мф. 22:34–40). На этом эпизод заканчивается.

Версия Луки еще короче, и Лука помещает эпизод в другое место евангельской истории – сразу после рассказа о беседе Иисуса с семьюдесятью учениками после их возвращения с проповеди. У Луки «некий законник» (νομικός τις) задает Иисусу вопрос, «искушая Его». Вопрос законника сформулирован совсем иначе, чем у Марка и Матфея: *Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* Иисус вместо ответа Сам задает ему вопрос: *в законе что*

написано? как читаешь? И тут законник (а не Иисус, как у Марка и Матфея) цитирует две заповеди Ветхого Завета, а Иисус говорит ему: *правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить* (Лк. 10:25–28). Далее законник спрашивает: *а кто мой ближний?* Иисус излагает притчу о милосердном самарянине (Лк. 10:29–37).

Апостол и евангелист Лука. *Миниатюра. XI в.*

Контекст, в котором эпизод помещен у Луки, настолько отличен от контекста двух других синоптических Евангелий, что можно говорить о двух похожих эпизодах, произошедших в разное время. Блаженный Августин, сравнивая рассказ Луки с повествованиями Марка и Матфея, отмечает:

Трудно сказать, об этом ли событии здесь говорится, или же то был другой человек, с которым Господь вел речь об указанных двух заповедях; скорее можно предположить, что это был другой. Это следует не только из того, что в порядке изложения замечается полное разли-

чие, но и из того, что сей человек представляется сам как дающий ответ на вопрос Господа и в своем ответе упоминающий эти две заповеди⁷⁵.

Евангелист Матфей. Икона. XIV в.

Вопрос, заданный Иисусу в Иерусалимском храме, не случаен. Книжники и законники более всего были озабочены правильной интерпретацией закона, а такая интерпретация неизбежно предполагала определенную градацию: что-то представлялось священным и неизбле-мым, что-то другое могло казаться преходящим и изменяемым. Устно предание, развившееся вокруг письменного законодательства как раз и ставило своей целью выявление в законе главного и отделение его от второстепенного, и книжники были активно вовлечены в эту непре-кращающуюся работу, вокруг которой постоянно возникали споры.

Мы можем оставить версию Луки за скобками как не имеющую прямого отношения к событиям в Иерусалиме и сосредоточиться на версиях Марка и Матфея. В обеих Иисус цити-

⁷⁵ Августин. О согласии евангелистов. 2, 142 (PL 34, 1146).

рует сначала заповедь из книги Второзаконие (Втор. 6:4–5), входящую в наставление, которое Моисей адресует народу израильскому перед тем, как он войдет в землю обетованную. Наставление скреплено неоднократно повторяющимся рефреном *Слушай, Израиль* и представляет собой суммарное изложение законодательства, ранее изложенного в книге Исход. Иисус Навин повторит заповедь в пересказе, когда введет народ в обетованную землю (Нав. 22:5).

Вторая заповедь, процитированная Иисусом, заимствована из книги Левит. Ее полный текст гласит: *Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя* (Лев. 19:18). Очевидно, что под ближним в данном случае понимается соплеменник, сын того же народа. Иисус же, цитируя заповедь, существенно расширяет ее смысл, понимая под ближним всякого человека, вне зависимости от его этнической или религиозной принадлежности (в притче о милосердном самарянине ближним оказывается самарянин).

Отметим, что книжник спрашивает Иисуса только о первой, наибольшей заповеди, но Иисус в Своем ответе добавляет также вторую. Это показывает, что для Иисуса любовь к Богу и любовь к ближнему составляет одну двуединую заповедь: одна любовь не мыслится без другой. Любовь к Богу находит свое выражение и естественное продолжение в любви к ближнему. Апостол Иоанн Богослов напомним об этом в следующих словах:

Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего (1 Ин. 4:20–21).

Книжник, по версии Марка, не просто повторяет слова Иисуса: пересказывая, он их комментирует. Утверждение о том, что Бог един, он усиливает: *и нет иного, кроме Его*. Исполнение заповедей о любви к Богу и ближнему, считает он, *есть больше всех всесожжений и жертв*.

Это очень важное уточнение. Культ жертвоприношений сложился в древнем Израиле в ту эпоху, когда религиозная жизнь воспринималась прежде всего в юридических категориях. Грех воспринимался как преступление перед Богом, требующее умилоствления: таким умилоствлением и служила жертва. На смену религии всесожжений и жертв Иисус нес другую религию, исходящую из других предпосылок: взаимоотношения с Богом Он предлагал строить не на чувстве долга или страха, а на любви и верности. Любовь к Богу, охватывающая все естество человека, включая сердце, душу, ум и крепость, должна находить свое выражение не в жертвоприношениях, а в любви к ближнему. Именно о делах любви и милосердия, а не о всесожжениях и религиозных обрядах Он будет говорить как об основном критерии, по которому на Страшном суде Бог отделит праведников от грешников, овец от козлов (Мф. 25:31–46).

Ветхий Завет призывал человека любить ближнего *как самого себя*, и в этом призыве заключалась вершина ветхозаветной этики. Поскольку вопрос книжника касался исключительно закона Моисеева, Иисус указал на эту заповедь как на одну из двух его духовно-нравственных вершин. Исходя из того, что каждый человек себя любит и желает себе добра, Иисус в Нагорной проповеди сформулировал правило: *Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки* (Мф. 7:12). Обратим внимание, что и в том случае он ссылаясь на закон Моисеев, подчеркивая тем самым, что не выходит за рамки ветхозаветных предписаний.

Однако то учение о любви, которое Он излагает как Свое собственное, разительно отличается от ветхозаветного. Обращаясь в Нагорной проповеди к той же самой заповеди о любви к ближнему, которую Он цитирует в разговоре с книжником, он противопоставлял ей Свое понимание любви: *Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.* (Мф. 5:43–44). Здесь уже слышен совершенно иной голос, звучит иная тональность, чем та, которой проникнуты нравственные

увещания закона Моисеева. Для Иисуса ближний – не только соплеменник, но и иноплеменник, не только друг, но и враг. И в конечном итоге Он призывает любить его не *как* самого себя, а *больше* самого себя.

В беседе после Тайной Вечери Иисус скажет ученикам: *Нет больше той любви, как если кто положит Душу свою за друзей своих* (Ин. 15:13). Здесь Он говорит о Себе и о той любви к людям, которая заставила Его взойти на крест. Такой же самоотверженной и жертвенной любовью Он призывает Своих учеников любить друг друга (Ин. 13:34). Это уже совсем не та любовь, о которой говорилось в книге Левит. Иисус поднимает нравственную планку на предельную возможную для человека высоту.

Как понимать слова Иисуса, обращенные к книжнику: *недалеко ты от Царствия Божия*? По мнению толкователей, их нельзя воспринимать как однозначную похвалу. Согласно Златоусту, они «означают, что он еще не достиг его, и сказаны с тем намерением, чтобы он искал то, чего ему недостает»⁷⁶. Древнему толкователю вторит современный исследователь, сравнивающий книжника с богатым юношей, которому одного не доставало (Мк. 10:21). Книжнику недостает самого главного – принять в свою жизнь весть Иисуса о грядущем и уже пришедшем Царстве, то есть признать в Иисусе Мессию и Сына Божия⁷⁷. Исповедание веры в единого Бога неполно без исповедания веры в Иисуса Христа как Спасителя мира.

⁷⁶ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 71, 1 (PG 58, 662). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 720.

⁷⁷ Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. IV. P. 496–497.

5. «Сын Давидов»

После серии эпизодов, в которых инициаторами бесед становятся другие лица, главным образом оппоненты Иисуса, желающие уловить Его в словах, евангелисты излагают беседу, инициатором которой стал Он Сам. Теперь не фарисеи вопрошают Иисуса, надеясь, что Он не сможет ответить, а Он задает им вопрос, на который они ничего не отвечают:

Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил их: что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он Сын ему? (Мф. 22:41–45; ср. Мк. 12:35–37; Лк. 20:41–42).

В изложении этого эпизода между синоптиками имеются разночтения. В частности, Марк отмечает, что Иисус продолжал учить в храме. У Марка Иисус задает Своим оппонентам единственный вопрос: *Как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов?* У Луки вопрос сформулирован так же, но опущено слово «книжники». Передавая слова Иисуса о Давиде, Матфей употребляет выражение «по вдохновению» (ἐν πνεύματι – буквально: «в духе»), а Марк – в Духе Святом (ἐν τῷ πνεύματι τῷ ἁγίῳ); у Луки на этом месте стоит *в книге псалмов*. Марк завершает изложение эпизода словами: *И множество народа слушало Его с утешением* (Мк. 12:37). У Матфея эпизод заканчивается фразой: *И никто не мог отвечать Ему ни слова; и с того дня никто уже не смел спрашивать Его* (Мф. 22:46). Похожей фразой у Марка и Луки завершался предыдущий эпизод – с книжником, вопросившим, какая заповедь первая в законе (Мк. 12:34; Лк. 20:40).

Вопрос, который Иисус задает Своим собеседникам, касается сердцевинного пункта религиозно-политических чаяний еврейского народа: каким должен быть Мессия? Согласно общепринятому представлению, основанному на ветхозаветных текстах, истолкованных в мессианском смысле (2 Цар. 7:12–14; Пс. 88:4–5; Ис. 11:1; Иер. 23:5–6), Мессия должен происходить из рода Давидова, быть прямым потомком величайшего из израильских царей⁷⁸. С

⁷⁸ Подробнее об этом см. в: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. I: Начало Евангелия. С. 273–278.

приходом Мессии связывали надежду на реставрацию Израильского царства в том блеске и могуществе, каких оно достигло при Давиде. От грядущего Мессии не ожидали, что Он придет «свыше»: согласно популярным представлениям, он должен быть земным царем «сущим от земли» (Ин. 3:31).

Иисус цитирует первый стих псалма, который интерпретировался как пророчество о Мессии:

Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Жезл силы Твоей пошлет Господь с Сиона: господствуй среди врагов Твоих. В день силы Твоей народ Твой готов во благолепии святыни; из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое. Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека. Господь одесную Тебя. Он в день гнева Своего поразит царей; совершит суд над народами, наполнит землю трупами, сокрушит голову в земле обширной. Из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу (Пс. 109:1–7).

Отметим, что в оригинальном еврейском тексте первого стиха употреблены два разных наименования: «Сказал Господь (יהוה *Yahwē*) Господу моему (יְיָ אֱדֹנָי *la-’Ādōnī*)». В греческом переводе семидесяти толковников оба имени переводятся как «Господь» (*kúrios*). И это не случайно, потому что оба еврейских термина употребляются для обозначения Бога.

В дальнейших стихах псалма Мессия предстает не столько как царь, сколько как священник, причем священник не в обычном смысле потомственного священства из колена Левиина, а по образу Мелхиседека, царя Салимского, о котором в книге Бытия говорится, что он вышел навстречу Аврааму, вынес хлеб и вино и благословил его (Быт. 14:18). Таинственная фигура царя, который был одновременно «священником Бога Всевышнего», привлекла внимание христиан первого поколения, увидевших в ней прообраз Иисуса – Царя и Первосвященника в одном лице. Наиболее полно эта тема раскрыта в Послании к Евреям:

...Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя (Пс. 2:7); как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека (Пс. 109:4). Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навывк послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека (Евр. 5:5-10).

Иисус в разговоре со Своими оппонентами не упоминает о Мелхиседеке, однако процитированный им первый стих псалма должен был вызвать в их памяти все содержание псалма, в котором Мессия предстает не просто как земной царь, а как Господь. Одно это должно указывать на то, что Мессия не может быть обычным смертным человеком.

Мелхиседек благословляет Авраама. Мозаика. XIII в.

Такова логика речи Иисуса. Мы не знаем, насколько эта логика оказалась убедительной для Его собеседников. Книжники, против которых была направлена речь, вряд ли изменили свое представление о Мессии. Простой народ, даже если слушал Иисуса «с услаждением», вряд ли мог благодаря толкованию одной цитаты из псалма поверить в то, что Мессия должен быть Богочеловеком.

Впрочем, весьма вероятно, что синоптики приводят лишь небольшую часть значительно более продолжительной беседы, в которой Иисус мог приводить и другие аргументы и цитаты, доказывая, что Мессия – не просто царь из рода Давидова, а Сын Божий, посланный в мир Отцом. Такого рода беседы сохранило для нас Евангелие от Иоанна: в них Иисус неоднократно *Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу* (Ин. 5:18). Эти беседы вызывали негодование фарисеев, а в народе порождали острые споры. В одном из таких споров затрагивалась тема происхождения Мессии из рода Давидова:

Многие из народа, услышав сии слова, говорили: Он точно пророк. Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид? Итак, произошла о Нем распря в народе (Ин. 7:40–43).

Все собеседники Иисуса знали о том, что Он происходит из Галилеи, но не все знали, что Он потомок Давида. Сам Он, насколько можно судить по четырем Евангелиям, никогда не говорил о Себе как о потомке Давида. В то же время, когда Его называли сыном Давидовым – а это происходило регулярно (Мф. 9:27; 15:22; 20:30–31; 21:9, 15; Мк. 10:47; Лк. 18:38), -

Он ни разу не возразил и не сказал, что Он не сын Давидов.

Царь Давид. Икона. XIX в.

Можно ли предположить, что рассматриваемый нами случай – исключение из этого правила? Можно ли толковать слова Иисуса в том смысле, что под конец Своей земной миссии Он решил заявить, что не происходит из рода Давидова? Древние толкователи дают однозначно отрицательный ответ:

Этим Он не отвергает того, что Он есть Сын Давидов, – нет... но только исправляет мнение фарисеев. Поэтому слова Его: *как же Он Сын ему?* – имеют такое значение: «Он – Сын Давидов, но не в том смысле, как вы понимаете». Они говорили, что Христос есть только Сын Давидов, а не Господь. Итак, Он сначала приводит свидетельство пророка, а потом уже исправляет их мнение со всей кротостью, говоря: «если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему?»⁷⁹

Здесь требуется осторожность, чтобы не получилось, что Сам Христос отрицает, что Он – Сын Давидов. Но Он и не отрицал, что Он – Сын Давидов, Он спрашивал об этом: «Вы сказали, что Христос есть сын Давидов, и Я не отрицаю это. Но он называет Его Господом. Скажите Мне, каким образом Он является Сыном, если Он – его Господь?»⁸⁰

⁷⁹ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 71, 2 (PG 58, 663–664). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 722.

⁸⁰ Августин. Проповеди. 92, 2 (PL 38, 572). Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 1а. С. 199.

Мы можем, вслед за Иоанном Златоустом, обратить внимание на то, что беседа о «сыне Давидовом» следует в синоптических Евангелиях за беседой о том, какая заповедь первая в законе. Там Иисус напоминает о том, что *Господь Бог наш есть Господь единый*, а здесь говорит о Мессии как о Господе. В этом Златоуст усматривает особый смысл:

Сказав сначала, что Господь один, говорит потом и о самом Себе, что Он Господь, и доказывает это не только делами Своими, но и свидетельством пророка, доказывая Свое согласие и равное достоинство с Отцом. Этими словами Спаситель заключает беседу Свою с фарисеями, представив им учение высокое, величественное и могущее заградить уста их. И они действительно с того времени замолчали, не по собственному желанию, но потому что не могли ничего возразить⁸¹.

На первых этапах развития раннехристианской Церкви, когда проповедь апостолов еще была обращена преимущественно к иудеям, тема происхождения Иисуса из рода Давидова занимала в ней существенное место. Значительная часть первого публичного выступления апостола Петра – его речи в день Пятидесятницы в Иерусалиме – посвящена раскрытию этой темы (Деян. 2:25; гл. 29–32). Апостол Павел обращается к этой теме в проповеди в Антиохии Писидийской (Деян. 13:22–23; гл. 32–37), а также в своих посланиях (Рим. 1:3; 1 Тим. 2:8). В «Послании Варнавы», датированном началом II века, говорится:

Но так как могут сказать, что Христос есть Сын Давида, то, опасаясь этого и зная заблуждение грешников, сам Давид говорит: *Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих* (Пс. 109:1). Видишь, как Давид называет Иисуса Господом, а Сыном [своим] не называет?⁸²

С течением времени, когда проповедь апостолов и их преемников переориентировалась почти исключительно на язычников, тема происхождения Иисуса из рода Давида перестала играть в этой проповеди значимую роль.

* * *

Пять эпизодов, рассмотренных в настоящей главе, показывают, что в Иерусалиме Иисуса ждали разные группы лиц, враждебно настроенных по отношению к Нему: первосвященники, книжники, фарисеи, саддукеи, иродиане. У каждой из этих групп есть свои счеты с Ним, свои претензии к Нему. Заговор против Иисуса зрел давно, но именно после торжественного въезда Иисуса в Иерусалим все группы недовольных Им объединились в желании расправиться с Ним. Уловить Его в словах было необходимо, чтобы потом, на суде, иметь достаточные основания для требования в отношении Него смертного приговора.

Результатом диспутов с иудеями стало то, что по их окончании *никто уже не смел спрашивать Его* (Мф. 22:46). Но они не потому перестали Его спрашивать, что убедились в Его правоте, а потому, что решили: пора кончать разговоры, от слов надо переходить к делу.

⁸¹ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 71, 2 (PG 58, 664). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 722.

⁸² Послание Варнавы. 12 (SC172, 172–174).

Глава 3

Иерусалим. Последние наставления

В настоящей главе нам предстоит рассмотреть обширный материал из Евангелия от Матфея. Речь пойдет о главах 23–25, содержащих обличения Иисуса в адрес книжников и фарисеев и речь, в которой Он предсказывает разрушение Иерусалима, Свое второе пришествие и Страшный суд.

Говоря о последних наставлениях Иисуса в Иерусалиме, как они приведены у Матфея, мы будем также обращаться к параллельным местам, имеющимся у Марка и Луки.

В этой же главе будет рассмотрен рассказ о двух лептах вдовы из Евангелий от Марка и Луки.

1. Обличение книжников и фарисеев

Существует три весьма распространенных в научной литературе взгляда на 23-ю главу Евангелия от Матфея: 1) эта глава содержит не цельную речь Иисуса, а суммарное изложение тех обвинений, которые Он выдвигал против книжников и фарисеев на протяжении всего Своего служения; 2) эта глава отражает не столько взгляды Иисуса на теорию и практику фарисеев и книжников, сколько обличительный пафос Матфея в адрес противников христианства из среды иудеев конца I века, в конфликте с которыми находилась «Матфеева община»; 3) аутентичные высказывания Иисуса в адрес фарисеев содержит только Евангелие от Марка, которым Матфей пользовался в качестве первоисточника; эти высказывания Матфей развил и дополнил в интересах своей общины.

Первый взгляд характерен для многих специалистов в области Нового Завета. Они называют речь Иисуса из 23-й главы Евангелия от Матфея «собранной из различных источников» и «представляющей множество различных пластов традиции»⁸³. Эти источники представляются противоречивыми и «в некоторых случаях несовместимыми»⁸⁴. Чтобы вычлениить аутентичные высказывания Иисуса, необходимо отделить «традицию» как материал, предположительно восходящий к «историческому Иисусу», от «редакции» – того, чем этот материал оброс под пером евангелистов.

Второй взгляд характерен для ученых, исходящих из представления о том, что Матфей писал для конкретной раннехристианской общины. Согласно этому взгляду, Матфей вложил в уста Иисуса ту озабоченность, которая была характерна для его общины, находившейся «на перепутье»⁸⁵ между Церковью и синагогой, представлявшей собой «хрупкое меньшинство» иудеев, уверовавших в Иисуса как Мессию и Сына Божия, но все еще не порывавших с иудаизмом⁸⁶. Именно гонения на христиан со стороны иудеев во времена, когда Матфей составлял свое Евангелие (конец I века, по мнению тех же ученых), были причиной той жесткой тональности, в которой Иисус обличает книжников и фарисеев у Матфея:

На протяжении всего своего Евангелия Матфей подчеркивает конфликт, который испытывает новая община и ее вестники, что особенно явно из единственного в своем роде скопления антифарисейского полемического материала, который мы находим в 23-й главе Матфея. Здесь фарисеи обвиняются в том, что они преследуют, гонят и распинают истинных

⁸³ Meier J. P. The Vision of Matthew. P. 160.

⁸⁴ Carlston C. E., Evans C. A. From Synagogue to Ecclesia. P. 133.

⁸⁵ Ibid. P. III («Matthew's Community at the Crossroads» – подзаголовок всей книги).

⁸⁶ Saldarini A. J. Matthew's Christian-Jewish Community. P. 1–4.

книжников, пророков и мудрецов, которых Бог посылает, чтобы возвещать и толковать учение Иисуса⁸⁷.

Со вторым взглядом тесно связан третий: источником для Матфея служило Евангелие от Марка, которое он расширял и дополнял в интересах своей общины; кратким, предположительно аутентичным высказываниям Иисуса, зафиксированным у Марка, Матфей придал вид полноценных речей, расширив их и «этизировав». Такой подход применяют, в частности, к Нагорной проповеди. 23-я глава Матфея, согласно этой точке зрения, выросла из трех стихов Евангелия от Марка, начинающихся словами *Остерегайтесь книжников...* (Мк. 12:38–40). Якобы эти три стиха Матфей «развил» в полноценную речь⁸⁸.

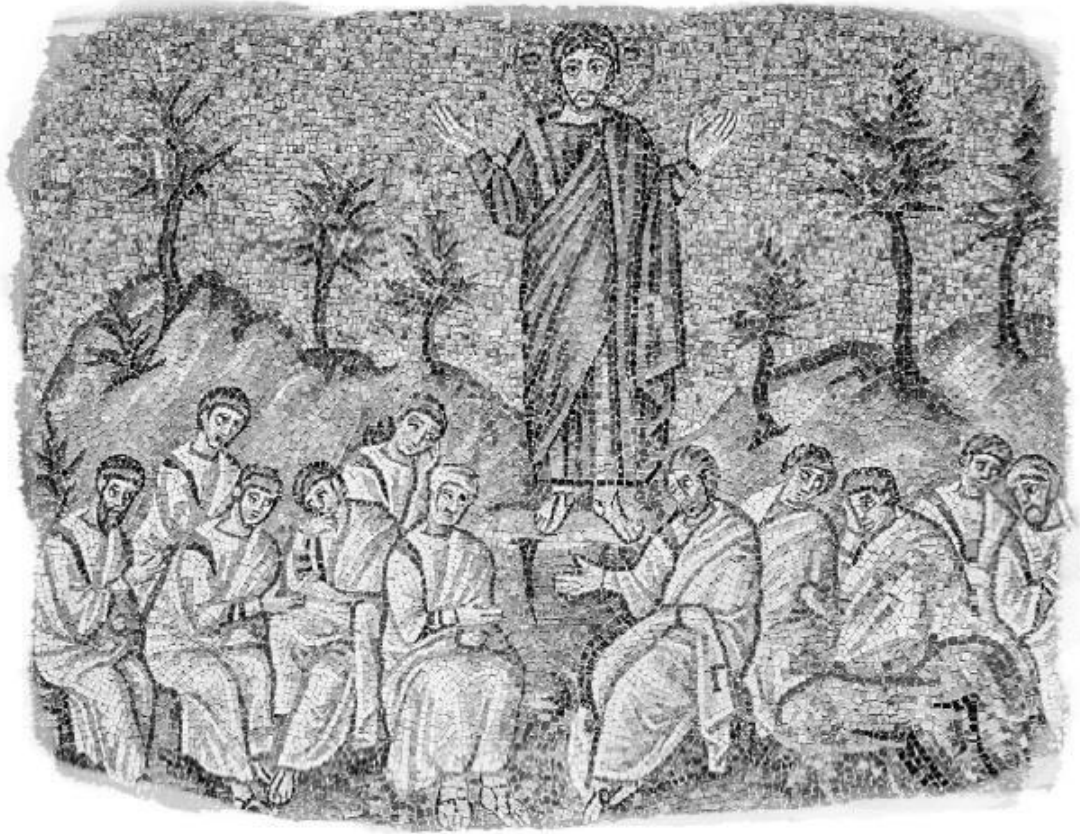
Несостоятельность и субъективность подобных подходов в последнее время становится все более очевидной для ученых. Все большее число исследователей отказывается от доминировавшего в новозаветной науке XX века взгляда на евангелистов как на авторов, писавших для конкретных общин и моделировавших образ Иисуса в соответствии со своими пастырскими нуждами. Все большее внимание уделяется евангельскому тексту как таковому, а не различным гипотезам относительно того, из каких клочков «традиции» он мог сложиться. Само противопоставление «традиции» и «редакции» в современной новозаветной науке отходит на второй план. Научное сообщество постепенно приходит к осознанию бесперспективности гадания на кофейной гуще. К тексту канонических Евангелий начинают вновь, как во времена Древней Церкви, относиться как к единственному авторитетному источнику сведений о жизни и учении Иисуса.

В нашем исследовании мы последовательно применяем такой подход к евангельскому тексту, который предполагает доверие к Евангелиям как свидетельствам очевидцев. Эти свидетельства могут быть прямыми (автор сам является очевидцем) или косвенными (автор записывает со слов очевидца). И в том и в другом случае слова, приписываемые евангелистом Иисусу, мы воспринимаем как *ipsissima vebra* (подлинные слова) Иисуса, как Его *ipsissima vox* (подлинный голос). Считаем не только бесполезными, но и вредными для понимания текста любые попытки отделить то, что может восходить к «историческому Иисусу», от того, что к этому могли добавить евангелисты в каких-либо своих целях (включая предполагаемые нужды своих общин).

Этот же подход мы будем применять к тексту 23-й главы Евангелия от Матфея. Параллельные места из двух других синоптических Евангелий, а также из Евангелия от Иоанна, которые мы будем отмечать по ходу рассмотрения обличительной речи Иисуса в адрес книжников и фарисеев, свидетельствуют о том, что отдельные темы, вошедшие в эту речь, развивались Иисусом и в других контекстах. Это не означает, что Матфей свел в одну речь то, что Иисус говорил в разное время. Это лишь означает, что Сам Иисус неоднократно обращался к одним и тем же темам, а в один из последних дней Своей земной жизни, находясь в Иерусалиме лицом к лицу с оппонентами, решил высказать им все, что о них думал. И сделал это в присутствии народа.

⁸⁷ Kee H. C. Jesus: Glutton and Drunkard. P. 320.

⁸⁸ См., напр.: Senior D. Matthew. P. 256; Evans C. A. Matthew. P. 387.

Нагорная проповедь. Мозаика. VI в.

Уже Нагорная проповедь в Евангелии от Матфея содержит критику фарисейских обычаев, в частности их показной милостыни (Мф. 6:2), показной молитвы (Мф. 6:5) и показного поста (Мф. 6:16). Нападки на фарисеев разбросаны по всему корпусу синоптических Евангелий, а Евангелие от Иоанна содержит диалоги Иисуса с иудеями, в которых Он резко критикует их обычаи, нравы, взгляды, поступки, подходы к религиозным вопросам. Тем не менее, как справедливо отмечают ученые, ни в одном другом Евангелии нет ничего сравнимого с тем последовательным обличением фарисеев и книжников, которое мы находим в 23-й главе Евангелия от Матфея⁸⁹.

Речь можно условно разделить на три части. Первая обращена к ученикам и народу. В чем-то она напоминает карикатурное изображение фарисеев из Нагорной проповеди, однако здесь фарисейские обычаи описаны гораздо более подробно и красочно. Во второй части описание обычаев продолжается, но теперь речь обращена непосредственно к книжникам и фарисеям: рефреном становится семикратное *горе вам*. Третья, заключительная часть содержит обращение к Иерусалиму, которое у Луки Иисус произнес на подступах к городу (это обращение мы рассмотрели в главе 1 настоящей книги).

«На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи»

Первая часть начинается увещанием, не имеющим ни параллелей, ни аналогов во всем корпусе Четвероевангелия:

Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте;

⁸⁹ Morris L. The Gospel according to Matthew. P. 569.

по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиришествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос. Большой из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится (Мф. 23:1-12).

Уникальным для всего корпуса Четвероевангелия является призыв Иисуса соблюдать и делать все, что велят фарисеи и книжники. В других местах Иисус безоговорочно критикует фарисеев не только за их действия и обычаи, но и за их учение – за то, как они интерпретируют закон Моисеев. Своих учеников Иисус, согласно Матфею, предостерегает: *Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской* (Мф. 16:6). Марк и Лука приводят то же увещание с небольшими модификациями: *Берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой* (Мк. 8:15); *берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие* (Лк. 12:1). При этом Матфей уточняет, что Иисус внушал ученикам беречься *учения фарисейского и саддукейского* (Мф. 16:12), что, как кажется, прямо противоречит увещанию из 23-й главы.

Более того, призыв соблюдать то, что повелевают книжники и фарисеи, противоречит тому, что говорится о них далее в том же увещании: *связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям*. Однако такую формулировку вряд ли можно считать положительной оценкой их учения. А потому и противоречия, на которые мы указали, не следует преувеличивать.

Фразу *всё (πάντα)*, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте нужно рассматривать без отрыва от ее продолжения: *по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают*. Акцент здесь ставится не на том, что учение книжников и фарисеев хорошо само по себе, а на противоречии между их словами и делами. Можно отнести первую часть фразы к закону Моисееву, о котором Иисус в Нагорной проповеди говорит: *Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится всё (πάντα)* (Мф. 5:17–18).

Нагорная проповедь. Г. Доре. 1860-е гг.

В обоих случаях Иисус употребляет слово *πάντα* («всё»), однако ни в том, ни в другом случае оно не употреблено в буквальном или абсолютном смысле. Сделав в Нагорной проповеди заявление о важности и непреложности предписаний Моисеева законодательства, Иисус сразу же в серии антитез не только дает Свою интерпретацию этих предписаний, но и – в некоторых случаях – противопоставляет Свое учение закону Моисееву: *Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших.* (Мф. 5:38–39, 43–44). То же самое мы наблюдаем и здесь: сделав сначала повеление соблюдать то, чему учат фарисеи, Иисус далее критикует не только дела фарисеев, но и их учение. Такова особенность Его речи, отличающейся яркостью, образностью, полемической заостренностью, но одновременно не лишенной и внутреннего антиномизма, не вписывающегося в строгие рамки построенного на принципах логики философского дискурса.

Выражение *Моисеево седалище*, по предположениям некоторых ученых, может указывать на каменное сиденье, которое ставилось в синагоге для учителей и раввинов: сидя на нем, они произносили свои поучения. Такие сиденья с высеченными на них надписями на иврите, содержащими цитаты из Ветхого Завета, сохранились в обнаруженных при раскопках древних

синагогах Хоразина, Делоса, Дура-Европоса и Тиберии⁹⁰. Более вероятно, однако, что Иисус употребляет это выражение метафорически, обвиняя книжников и фарисеев в том, что они узурпировали право толковать закон Моисеев.

Евангелие от Иоанна сохранило для нас споры о Моисеевом наследии, которые Иисус вел со Своими оппонентами. Они с гордостью называли себя Моисеевыми учениками (Ин. 9:28), но Иисус отказывал им в этом праве, считая, что они не исполняют закон Моисеев: *Не дали вам Моисей закона? и никто из вас не поступает по закону* (Ин. 7:19). Эти слова прямо перекликаются с тем, что Иисус говорит в адрес фарисеев в 23-й главе Евангелия от Матфея.

Иоанн приводит и такие слова Иисуса: *Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, как поверите Моим словам?* (Ин. 5:45–47). Сердцевиной Ветхого Завета Иисус считает не нравственные предписания, которые Он полагает возможным по-своему интерпретировать и даже переформулировать, а содержащиеся в нем предсказания о Мессии. Отвергая обетованного Мессию, фарисеи и книжники одновременно отвергают и Моисея, который о нем предсказывал, а значит, лишаются права считать себя его легитимными наследниками и толкователями его учения.

Под «бременами тяжелыми и неудобноносимыми» следует понимать те многочисленные правила и предписания, которые фарисеи добавили к письменному законодательству (Торе). Эти правила во времена Иисуса существовали преимущественно в устной форме, но впоследствии были записаны и составили многотомное собрание, известное под общим названием раввинистической литературы. Общее число предписаний, входящих в это собрание, исчисляется, по-видимому, десятками тысяч. Их обилие и то, как детально они прописаны, не может не поражать воображение.

⁹⁰ Evans C. A. Matthew. P. 388.

Моисей получает скрижали Завета. *Икона. XI в.*

Настаивая на непреложности Моисеева законодательства, Иисус резко критиковал фарисеев за мелочный формализм, с которым они его интерпретировали, дополняя «преданиями старцев».

Типичным примером такого формализма является интерпретация фарисеями двух предписаний книги Исход, касающихся воздержания от квасного хлеба в память об исходе евреев из Египта: *И да будет тебе это знаком на руке твоей и памятником пред глазами твоими, дабы закон Господень был в устах твоих... и да будет это знаком на руке твоей и вместо повязки над глазами твоими, ибо рукою крепкою Господь вывел нас из Египта* (Исх. 13:9, 16). Буквальное толкование этих заповедей привело к возникновению обычая носить на лбу и возле сердца небольшие кожаные футляры, в которых помещались отрывки из Священного Писания (а именно – Исх. 13:1–6; Втор. 6:4–9; 11:13–21). Эти футляры, называемые хранилищами (греч. φύλακτήρια, что соответствует еврейскому תפילין *təpillîn*), у фарисеев были значительно больших размеров, чем у остальных⁹¹.

Отметим, что Иисус не оспаривал саму практику ношения таких футляров, но критиковал развившуюся в фарисейской среде моду расширять их с целью продемонстрировать особое благочестие. Не оспаривал Он и практику ношения воскрилий (греческое κράotteδα, еврейское קִטְוֹנִים *qîṣṣônîm*) – специальных кистей на краях одежд, предписанных законом с той целью, чтобы люди, смотря на них, вспоминали все заповеди Господни и были святы пред Богом (Чис. 15:37–41). Однако Он критиковал обычай фарисеев увеличивать эти кисти – опять же, чтобы видели их люди.

Неприятие у Иисуса вызывает кичливость фарисеев, их стремление везде занять самое видное место, их тщеславие и любовь к почестям. Евангелист Лука рассказывает, как Иисус, будучи в гостях у одного из фарисеев и увидев, как гости выбирают лучшие места, сказал хозяйину дома: *Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 14:8–11). Этот совет шел вразрез с практикой фарисеев, которые всегда выбирали лучшие места и не видели в этом ничего зазорного, так как считали, что они не таковы, как прочие люди (Лк. 18:11).

Иисус приводит четыре примера фарисейского тщеславия: они любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!» Первые три примера имеются также в параллельных местах у Марка и Луки: *Остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах* (Мк. 12:38–39; ср. Лк. 20:47–48).

⁹¹ Ньюман Б., Стайн Ф. Комментарии к Евангелию от Матфея. С. 632.

Тайная Вечеря. Икона. 1497 г.

Однако именно четвертый пример фарисейского тщеславия дает Иисусу повод напомнить ученикам о том, что у них один Учитель и Наставник – Христос и один Отец – Тот, Который на небесах. Хотя здесь Иисус не говорит о Своем равенстве с Отцом, Он ставит Себя с Ним в один ряд. Накануне Своей смерти Он рисует картину христианской общины, сплоченной вокруг единого Наставника, общины, члены которой считают себя братьями друг другу. В этой общине правила поведения должны быть прямо противоположны тем, что существовали в фарисейском сообществе: здесь возвысится тот, кто унижает себя. На Тайной Вечере, умыв ноги ученикам, Иисус даст им видимый пример того, как они должны поступать по отношению друг к другу (Ин. 13:4–5, 12–17).

Больший из вас да будет вам слуга: этот или похожий призыв встречается в прямой речи Иисуса неоднократно (Мф. 20:26–27; ср. Мк. 9:35, 10:43–44; Лк. 9:48; 22:26). Слова *кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится* также имеют в Евангелиях многочисленные параллели (Мф. 18:4; Лк. 14:11; 18:14). Эти афористичные высказывания являются кратким суммарным описанием той системы взаимоотношений, которую Иисус хочет реализовать в общине Своих учеников.

Христианской Церкви лишь в некоторой степени удалось воплотить в жизнь начертанный Иисусом нравственный идеал. Уже в первом христианском поколении апостолы увещевали против распри внутри христианских общин и призывали к смирению, перефразируя афоризмы Учителя:

Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от возжелений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите... Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу... Но тем большую дает благодать; посему и сказано: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Смиритесь пред Господом, и вознесет вас (Иак. 4:1–2, 4, 6, 10).

Отцы и учителя Церкви последующих веков свидетельствовали о том, что дух фарисейства не только не изжит в христианской общине; наоборот, в ней он обрел второе дыхание. В III веке Ориген писал, комментируя 23-ю главу Евангелия от Матфея:

О, если бы это услышали все, особенно диаконы, пресвитеры и епископы, особенно те, кто думает, что не для них написаны слова: *Кто возвышает себя, тот унижен будет...* Они возгордились и из-за гордости поддаются осуждению диавола (1 Тим. 3:6) и не стремятся через смирение подняться от осуждения за гордость.⁹²

В IV веке ему вторил Иоанн Златоуст, наблюдавший в среде церковной иерархии своего времени симптомы тех духовных недугов, которые были характерны для фарисейской среды:

Может быть, все это сочтет кто-либо и за мелочи; но мелочи эти бывают причиной великих зол. Они разрушали и государство и церкви. Я не могу удержаться от слез, когда и ныне слышу о председаниях и приветствиях, и представляю, как много зол произошло отсюда для церквей Божиих⁹³.

Однако Златоуст видел и добрые примеры – прежде всего в монашеских общинах, где смирение по образу Христа воспринималось не как недостижимый идеал, а как норма жизни:

Итак, желающему первенства надлежит избрать себе место ниже всех: *кто унижает себя, тот возвысится*. Но где мы найдем такое смиренномудрие? Хотите ли опять пойти во град добродетели, в селения святых, то есть в горы и ущелья? Там-то мы и увидим эту высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями, или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги, и, как бы письменами, явственно изображают во всем смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, как-то: пышные одежды, великолепные дома, множество слуг, что иных и поневоле располагает к гордости, – все это удалено отсюда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там не услышишь, чтобы кто оскорблял другого, не увидишь оскорбляемых; нет там ни принимающих приказание, ни приказывающих; там все слуги, и каждый оmyвает ноги странников и один перед другим старается оказать им эту услугу. И делают они это, не разбирая, кто к ним пришел, раб или свободный, но

⁹² Ориген. Комментарии на Евангелие от Матфея. 12 (GCS38, 224). Рус. пер.: Библейские комментарии отцов Церкви. Новый Завет. Т. 16. С. 209.

⁹³ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 72, 2 (PG 58, 669–670). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 730.

служат так всем одинаково. У всех один стол, у пользующихся услугами, и у служащих им; у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Большой там тот, кто раньше другого исполняет самые низменные работы. Там нет различия между «моим» и «твоим», и оттуда изгнаны сами слова эти, служащие причиной бесчисленного множества распрей⁹⁴.

Двухтысячелетний опыт Церкви показывает, что высокая нравственная планка, поставленная Иисусом для Своих учеников, не является недостижимой. Не только в монашеской среде, но и в среде простых верующих примеры христианского образа жизни и образа мысли исчисляются миллионами. Однако опасность фарисейства, под которым обычно понимают ханжеское, начетническое отношение к религиозной практике, существует и в христианской традиции. Когда религию начинают воспринимать как сумму правил, запретов, мелочных предписаний и указаний, на смену поклонению Богу *в духе и истине* (Ин. 4:23–24) приходит фарисейство, которое способно постепенно и незаметно подменить собой подлинную религиозность.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры...»

Центральная часть рассматриваемой речи обращена к книжникам и фарисеям. Она подчинена единому ритму, определяемому восьмикратным повторением формулы *горе вам*, за которой следуют конкретные обвинения. Рассмотрим первые три:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас (Мф. 23:13–15).

⁹⁴ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 72, 3 (PG 58, 671). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 732.

Горе вам, книжники и фарисеи. *Фреска. XIV в.*

Первое обвинение имеет обобщающий характер и может считаться преамбулой ко всей речи. Иисус укоряет книжников и фарисеев в том, что они не только сами не входят в Царство Небесное, но и преграждают туда доступ людям. Эти слова звучат как грозный приговор всему фарисейскому мировосприятию, представлению о религии как сумме мелких предписаний и запретов.

Иисус называет книжников и фарисеев словом *ὑποκριταί* («лицемеры»). Это слово в греческом языке изначально обозначало актеров, а затем стало применяться ко всем лицам, которые кажутся чем-то одним, будучи чем-то другим. Впервые в Евангелии от Матфея слово «лицемеры» было употреблено Иисусом по отношению к фарисеям в Нагорной проповеди (Мф. 6:2): там оно указывало на показное благочестие фарисеев. Однако в настоящей речи оно указывает прежде всего на несоответствие внешнего облика фарисеев их внутреннему содержанию, что явствует из дальнейшего содержания речи.

Второе обвинение отсутствует в большинстве древних рукописей и опускается в современных критических изданиях Нового Завета⁹⁵. По мнению большинства специалистов по текстологии Нового Завета, этот стих попал в Евангелие от Матфея в результате гармонической корректировки и заимствован из Евангелия от Марка, где поучение Иисуса дано в следующем весьма сокращенном варианте:

Остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах, — сии, посядающие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тяжчайшее осуждение (Мк. 12:38–40).

Идентичный текст имеется в Евангелии от Луки (Лк. 20:46–47), где речь Иисуса приведена значительно полнее, чем у Марка, но значительно короче, чем у Матфея. Версию Луки мы рассмотрим ниже.

⁹⁵ См.: Novum Testamentum graece. P. 63; Aland K. Synopsis quattuor Evangeliorum. P. 390.

Что означает «поедать дома вдов»? Точное значение этого выражения остается предметом споров⁹⁶. Возможно, речь идет о злоупотреблении гостеприимством вдов или о том, что фарисеи использовали свое положение учителей для взимания денег с тех, кого они учили, включая наименее обеспеченных членов общества, каковыми являлись вдовы. Возможно также, что Иисус указывал на несправедливое распределение тех сумм, которые жертвовали на благотворительность. В Ветхом Завете левиты, наряду с пришельцами, сиротами и вдовами, относились к категории лиц, которые жили на пожертвования (Втор. 14:29; 16:14; 26:12). Мы можем предположить, что распределение пожертвований находилось в руках фарисеев, которые львиную долю оставляли себе, заботясь о вдовах лишь на словах.

Выражение «лицемерно долго молитесь» напоминает о критике Иисусом фарисейской молитвы в Нагорной проповеди (Мф. 6:5) и в притче о мытаре и фарисее (Лк. 18:11–12). В первом случае Иисус критиковал показной характер молитвы фарисея, во втором – ее содержание. Многословие в молитве также осуждалось Иисусом (Мф. 6:7).

Третье обвинение из рассматриваемой речи касается практики, получившей широкое распространение в период перед Первой Иудейской войной и разрушением Иерусалима, когда фарисеи предприняли энергичную кампанию по обращению в иудаизм язычников⁹⁷. Выражение «дабы обратить хотя одного» является переводом слов, которые буквально звучат так: «дабы хотя бы одного сделать прозелитом (ποιῆσαι εἰνα προσηλύτων)». Термин «прозелит» встречается в рассказе из книги Деяний о сошествии Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы: среди тех, кто слушал апостольскую проповедь, упоминаются «Иудеи и прозелиты» (Деян. 2:10).

Иисус считает распространение иудаизма в его фарисейской версии вредным, а потому решительно выступает против его проповеди в языческой среде. Для язычников Он создал новую религию – ту, которая не привязана ни к Иерусалиму, ни к старым иудейским обычаям: эту религию он называл поклонением Богу *в духе и истине* (Ин. 4:23–24). Именно ее, а не отживший свой век фарисейский иудаизм будут проповедовать по всему миру Его последователи.

Четвертое обвинение отличается от первых трех значительно большей детализацией в описании фарисейской интерпретации закона:

Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото? Также: если кто поклянется жертвенником, то ничего, если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен. Безумные и слепые! что больше: дар, или жертвенник, освящающий дар? Итак, клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем; и клянущийся храмом клянется им и Живущим в нем; и клянущийся небом клянется Престолом Божиим и Сидящим на нем (Мф. 23:16–22).

Слово «повинен» в данном случае относится не к произнесению клятвы, а к ее нарушению. Согласно учению фарисеев, как оно здесь представлено, нарушение клятвы храмом, жертвенником или небом допустимо. Иисус приводит пример типичной для фарисеев казуистической логики, согласно которой исполнение клятвы может быть необязательным в определенных случаях.

Здесь можно вспомнить приведенные в первом томе нашего исследования примеры запрещенной и разрешенной пищи из трактата Маймонида: та или иная пища, будучи запрещенной, может оказаться разрешенной при определенных, тщательно оговоренных и пропи-

⁹⁶ См.: Witherington B. Women in the Ministry of Jesus. P. 17.

⁹⁷ Meier J. P. Matthew. P. 269.

санных условиях. Можно также указать на примеры из «Мишны» – сборника предписаний ортодоксального иудаизма. Согласно этому сборнику, исполнение клятвы небом и землей не является обязательным, тогда как клятву первыми двумя буквами имени Божия нарушать нельзя⁹⁸.

Иисус был принципиальным противником клятвы: в Нагорной проповеди Он призывал не клясться ни небом, ни землей, ни своей головой (Мф. 5:34–37). Этот призыв Он противопоставлял ветхозаветному принципу: *Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои* (Мф. 5:33)⁹⁹. В данном же случае, обличая фарисеев, Иисус не говорит о клятве как таковой: Он говорит о фарисейской практике легко нарушать клятвы, придумывая для этого искусственные оправдания.

Пять раз в рассматриваемой речи Иисус называет фарисеев слепыми. В другом месте Он говорил о них: *Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф. 15:13–14). Из этих слов следует, что фарисейская версия иудаизма воспринималась Иисусом не как установленный Богом закон, а как искажение этого закона, произошедшее вследствие подмены главного второстепенным, внутреннего – внешним. Духовная слепота как раз и заключается в неспособности и нежелании отличить одно от другого.

Именно об этой подмене говорится в пятом, шестом и седьмом обвинениях:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оцексивающие комара, а верблюда поглощающие!

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония (Мф. 23:23–28).

Мы видим, что противопоставление внешнего и внутреннего проходит через все три обвинения.

⁹⁸ Мишна. Шевуот. 4:6. Ср.: Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. I: Начало Евангелия. С. 658–661.

⁹⁹ Это изречение является парафразом Лев. 19:12 и Втор. 23:21.

Голова фарисея. Василий Polenov. Ок. 1872 г.

Первое касается древнего обычая давать десятину. Правила относительно десятины занимают существенное место в своде предписаний, входящих в Моисеево законодательство: предписывается, в частности, отдавать десятину *из семян земли и из плодов дерев... из крупного и мелкого скота, из всего, что проходит под жезлом* (Лев. 27:30, 32); из хлеба, вина и елея (Втор. 14:22–23). Десятины платились левитам (Чис. 18:21), которые, в свою очередь, должны были десятую часть того, что получали, приносить во всесожжение Господу (Чис. 18:25–28).

Уплата десятины считалась священной обязанностью, и фарисеи кичились ее скрупулезным исполнением. Выражение «десятина с мяты, аниса и тмина» является образным, указывающим именно на тщательность исполнения фарисеями правил: даже от специй они отделяли десятую часть, чтобы принести ее в жертву Господу. При этом они забывали о том, что в законе Моисеевом является самым важным: о суде, милости и вере. Отметим, что Иисус не отвергает практику десятины. Он говорит о ней: *и сие надлежало делать*. Но тут же прибавляет: *и того не оставлять*, показывая, что скрупулезным исполнением внешних предписаний невозможно

возместить внутреннюю пустоту и отсутствие тех добродетелей, которые составляют сердцевину богоустановленного закона.

Иисус называет фарисеев оцепивающими комара, а верблюда поглощающими. Комар – одно из самых мелких насекомых, а верблюд – самое крупное из известных слушателям Иисуса животных: в другом месте Он говорил о невозможности для верблюда пролезть в игольные уши (Мф. 19:24). Оцепивать комара – значит процеживать воду из опасения, чтобы какое-либо мелкое насекомое или пресмыкающееся, считавшееся нечистым (Лев. 11:41), случайно не попало в рот вместе с водой и не осквернило человека. При этом фарисеи поглощали верблюда – животное, тоже считавшееся нечистым (Лев. 11:4).

Фарисеи были известны своей чрезмерной чистоплотностью и брезгливостью. Евангелист Марк пишет о них: *Ибо фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умыв тщательно рук; и, придя с торга, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей* (Мк. 7:3–4). Указанные обычаи, безусловно, имеют гигиеническое измерение. Однако главным для фарисеев было измерение ритуальное: соприкоснувшись с чем-либо нечистым, они могли потерять ритуальную чистоту, чего более всего и боялись.

При этом они не боялись оскверниться греховными деяниями – хищением и неправдой.

Иисус сравнивает фарисеев с пещерами для захоронения мертвецов, которые снаружи выглядят красиво, а внутри *полны костей мертвых и всякой нечистоты*. Мертвое тело в иудейской традиции воспринималось как нечистое, прикосновение к нему считалось осквернением. Нечистым на семь дней становился всякий, прикоснувшийся к мертвецу; нечистым становится все, что находится в шатре, где лежит умерший, включая открытые сосуды; нечистым становится всякий, прикоснувшийся *к убитому мечом, или к умершему, или к кости человеческой, или ко гробу* (Чис. 19:11–16). Для того, чтобы гроб (пещеру для захоронения) легко было отличить от обычных пещер, его маркировали известью: это помогало предотвратить случайное осквернение от прикосновения к содержимому такой пещеры.

Слова Иисуса о костях мертвых и всякой нечистоте нельзя интерпретировать в том смысле, что Он разделял представление иудеев о мертвом теле как нечистом: Он лишь говорит на доступном для слушателей языке, применяясь в данном случае к их понятиям. Бояться надо не случайного прикосновения к мертвым костям, а той духовной смерти, которая делает скверной и нечистой душу человека. К «хищению и неправде», упомянутым в шестом обвинении, в седьмом добавляются «лицемерие и беззаконие»: этими словами Иисус характеризует внутреннее состояние фарисеев.

Каин убивает Авеля. Мозаика. XII в.

В заключительном, восьмом обвинении Иисус обращается к теме пророков, которую Он многократно затрагивал в Своей проповеди и ранее:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?

Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей (Мф. 23:29–36).

Вся эта речь соткана из аллюзий и ссылок на различные эпизоды истории израильского народа. Обращение «порождения ехиднины», как мы помним, заимствовано из языка Иоанна Крестителя (Мф. 3:7; Лк. 3:7) и напоминает об этом последнем пророке, чья проповедь предваряла начало служения Иисуса. Следующие слова являются аллюзией на повествование 2-й

книги Паралипоменон об израильском народе времен царя Седекии: *И посылал к ним Господь Бог отцов их, посланников Своих от раннего утра, потому что Он ждал Свой народ и Свое жилище. Но они издевались над посланными от Бога и пренебрегали словами Его, и ругались над пророками Его.* (2 Пар. 36:15–16). Убийство Авеля Каином было, согласно Библии, первым убийством, совершённым на земле. О нем Бог, обращаясь к Каину, сказал: *Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли* (Быт. 4:10).

Пророк Захария. Фреска. Микеланджело. 1508–1512 гг.

О Захарии, сыне Варахиине, упоминается в книге пророка Исаии (Ис. 8:2). Именем Захарии, сына Варахиина, надписана одна из пророческих книг Ветхого Завета (Зах. 1:1), однако не известно, при каких обстоятельствах этот пророк умер. Предполагают, что речь в словах Иисуса может идти о Захарии, сыне священника Иодая, обличавшем народ за то, что он преступал повеления Господни. Этот Захария по приказанию царя Иоаса был побит камнями *на дворе дома Господня* (2 Пар. 24:20–22), то есть в храме Иерусалимском.

Высказывается также предположение о том, что речь в Евангелии от Матфея идет о Захарии, сыне Баруха, упоминаемом Иосифом Флавием в следующем рассказе:

Зилоты¹⁰⁰, которым опротивела уже резня, бесстыдно наглумились еще над судилищем и судом. Жертвой своей они избрали одного из знатнейших мужей, Захарию, сына Баруха. Его презрение к тиранам и непреклонная любовь к свободе сделали его ненавистным в их глазах; к тому же он был еще богат. Таким образом, они для формы приказали созвать семьдесят находившихся в должностях простых граждан в качестве судилища, которое, конечно, лишено было авторитета, и здесь обвиняли Захарию в том, что он хотел предать город в руки римлян и с изменнической целью послал уполномоченных к Веспасиану. Обвинение не подкреплялось ни свидетельскими показаниями, ни другими какими-либо доказательствами. Суд семидесяти оправдал, однако, обвиняемого, предпочитая заранее умереть вместе с ним, чем принять на себя ответственность за его смерть. Этот оправдательный приговор зилоты встретили с неистовым шумом: они все были возмущены тем, что судьи не хотели понять призрачности данной им власти. Двое же из самых дерзких набросились на Захарию, убили его среди храма и насмешливо воскликнули над павшим: «вот тебе и наш голос – наше решительное оправдание!» Вслед за этим они выбросили его из храма в находящуюся под ним пропасть¹⁰¹.

Однако данный эпизод датируется временем Первой Иудейской войны 66–70 годов по Р. Х. Упоминание этого Захарии в тексте Евангелия означало бы, что евангелист писал после 70 года и вложил в уста Иисуса слова о человеке, убитом спустя более тридцати лет после смерти Самого Иисуса. Большинство ученых отвергает предположение о таком подлоге и придерживается мнения, что в словах Иисуса речь идет о Захарии, упомянутом во 2-й Книге Паралипоменон, а прозвание «сын Варахиин» дано ему по ошибке автора или переписчика Евангелия от Матфея. Отметим, что в параллельном месте из Евангелия от Луки Захария упоминается без этого прозвания (Лк. 11:51).

Блаженный Иероним, комментируя рассматриваемое место из Евангелия от Матфея, приводит все известные в его время мнения относительно упомянутого в нем персонажа:

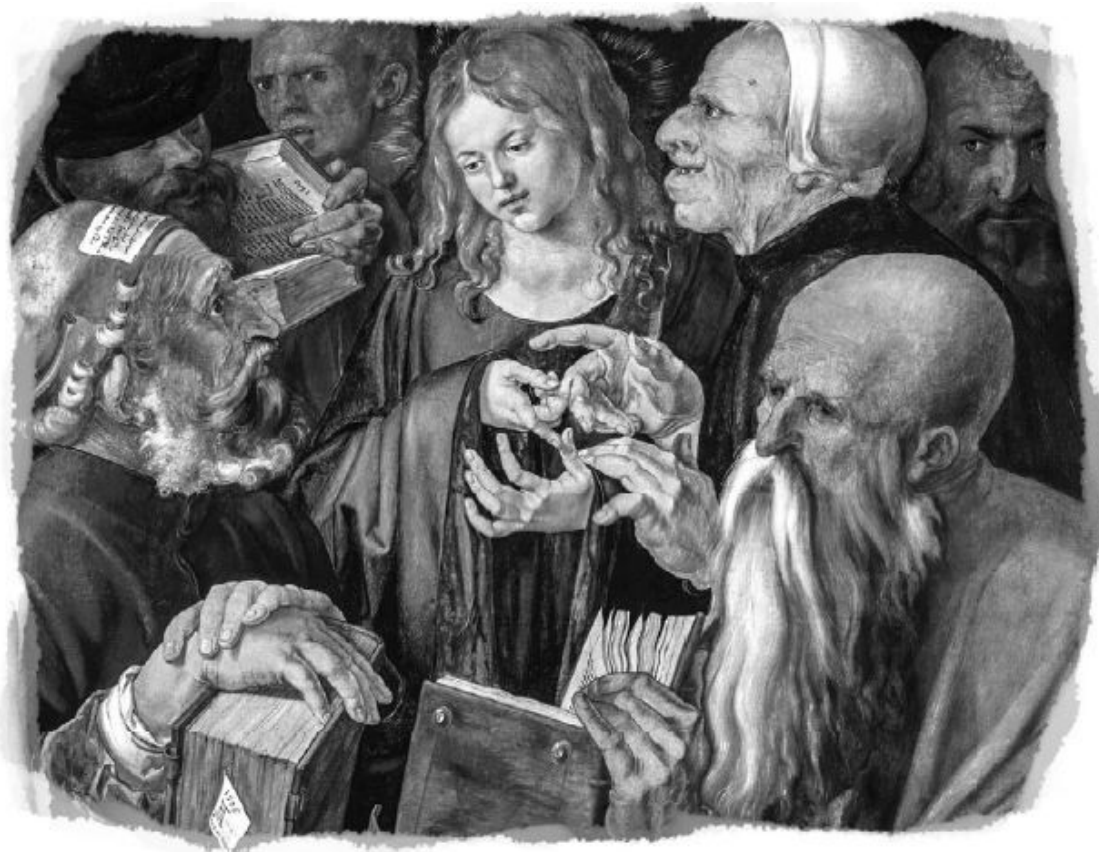
Одни Захарией, сыном Варахии, называют того, который был одиннадцатым из двенадцати пророков, и с этим согласно имя его отца; но когда он был умерщвлен между храмом и жертвенником, об этом Писание не говорит. Другие под Захарией разумеют отца Иоанна [Крестителя], основываясь на вымысле некоторых сокровенных книг; они утверждают, что

¹⁰⁰ Зилотами (или «зелотами», греч. ζηλωται – «ревнители», вероятно, калька с евр. צִנְאוֹת *qannā'im*) названы здесь представители радикальной религиозно-политической группировки I в. по Р. Х. в Палестине. Своей главной целью зилоты считали освобождение Палестины от римского господства. Труды Иосифа Флавия остаются основным источником сведений о зилотах. При этом объективность Иосифа вызывает сомнения, поскольку в его сочинениях прослеживается явная тенденция представить зилотов главными виновниками разрушения Иерусалима. См.: Бабкина С. В. Зилоты // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 124–127.

¹⁰¹ Иосиф Флавий. Иудейская война. 4, 5, 4. С. 1074–1075.

этот Захария был убит потому, что проповедовал пришествие Спасителя. Так как это утверждение не имеет твердого основания в Священном Писании, то и отвергается оно с такой же легкостью, с какой доказывается. Третьи предполагают что это тот Захария, который был умерщвлен царем Иоасом между храмом и жертвенником, как сообщает повествование о царях. Но при этом необходимо иметь в виду, что тот Захария был сыном не Варахии, а сыном священника Иодая... В Евангелии, которым пользуются назаряне, мы находим вместо слов *сына Варахии* слова *сына Иодая*¹⁰².

По какой причине Иисус возлагает вину за пролитие всей несправедливой крови от Авеля до Захарии на фарисеев и книжников? По той же причине, отвечает Иоанн Златоуст, по какой в другом месте Бог возложил вину отцов на детей *до третьего и четвертого* рода (Исх. 20:5). Он это сделал «не потому, чтобы кто-нибудь из них нес наказание за чужие проступки, но потому, что после многих грешников, и притом наказанных, они не сделались лучшими, но подобно им предавались греху». Об Авеле Иисус напоминает потому, что он был убит из зависти¹⁰³, а убийство Иисуса фарисеи замышляют тоже из зависти.

Христос и книжники. Альбрехт Дюрер. 1506 г.

Приводя примеры ветхозаветных праведников и пророков, говоря об их насильственной смерти, Иисус предсказывает собственную смерть. Она станет еще одним преступлением, стоящим в одном ряду с теми, которые были совершены «отцами» фарисеев и книжников Его времени. Слова Иисуса не следует понимать в том смысле, что Он осуждает фарисеев за почи-

¹⁰² Иероним. Комментарий на Евангелие от Матфея. 4, 23, 35 (CCSL 77, 219–220).

¹⁰³ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 74, 2 (PG 58, 681). Рус. пер.: Т. 7. Кн. 2. С. 746.

тание древних пророков, заботу об их гробницах. Но Он показывает, что подлинное почитание пророков должно выражаться в том, чтобы не повторять ошибок тех, кто были их гонителями и убийцами. Хотя фарисеи отрекаются от преступлений своих отцов, через убийство Праведника они станут их сообщниками в пролитии крови «пророков, мудрых и книжников».

Отметим редкий случай, когда слово «книжники» употреблено в положительном смысле. Таких случаев в Новом Завете только два, и другой тоже относится к Евангелию от Матфея, где Иисус говорит, что *всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое* (Мф. 13:52). Дорога к Царству Небесному для книжников не закрыта. Но они сами закрывают ее для себя, возбраняя также вход в него другим.

Не только Свою смерть предсказывает Иисус, но и те гонения, которые будут развернуты иудеями против Его учеников. Именно в таком смысле следует понимать слова: *и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город*. В научной литературе эти слова обычно воспринимают как отражающие противостояние между Церковью и синагогой, которым была отмечена история ранней Церкви (считается, что Матфей, писавший в конце I века для общины, претерпевавшей гонения от иудеев, вложил эти слова в уста Иисуса, чтобы утешить верующих). Однако ничто не препятствует воспринимать приведенные слова как пророчество Иисуса о судьбе основанной Им Церкви. Предвидя Свою скорую смерть, Он одновременно предвидел и то, что произойдет после Его смерти. Неоднократно и ранее Он предупреждал Своих учеников, что они будут гонимы (Мф. 5:11–12; 10:16–23). К этой теме Он вскоре вернется (Мф. 24:9).

Обвинения в адрес фарисеев, составившие основную часть речи Иисуса из 23-й главы Матфея, частично отражены в Евангелии от Луки. Однако там эти обвинения звучат совсем в ином контексте:

Когда Он говорил это, один фарисей просил Его к себе обедать. Он пришел и возлег. Фарисей же удивился, увидев, что Он не умыл рук перед обедом. Но Господь сказал ему: ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства. Неразумные! не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее? Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда всё будет у вас чисто.

Но горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей, и нерадите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять. Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы – как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того.

На это некто из законников сказал Ему: Учитель! говоря это, Ты и нас обижаешь. Но Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них.

Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы.

Потому и премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят, да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира, от крови Авеля до крови Захарии, убитого между жертвенником и храмом. Ей, говорю вам, взыщется от рода сего.

Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разума: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали (Лк. 11:37–52).

Мы видим, что по содержанию приведенный текст в значительной степени дублирует речь Иисуса из 23-й главы Евангелия от Матфея. Отличия касаются деталей. Так, например, гробы, полные мертвых костей и всякой нечистоты, у Луки превращаются в *гробы скрытые*:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.